

ПРИНЦ БОЛЬШОЙ КРОВИ

Исторические картинки¹

Паны и планы

Отрепьев покинул Москву в феврале 1602 года в сопровождении двух монахов — Мисаила Повадина и Варлаама Яцкого.

Пойманный в Польше и привезенный в Кремль в царствование Шуйского, Яцкой подал царю «Извет», описание знакомства и путешествия с Лжедмитрием. Несмотря на тенденциозность, в тексте много ценных подробностей, никем, кроме Варлаама, не упоминаемых.

«...Во 110-м году [1602 г.] в Великий пост, на другой недели и в понедельник, иду, государь, я Варварским крестьяном, и ззади меня пришел чернец молод, сотворив молитву и поклонився мне, и учал меня спрашивать: старец, которые честныя обители? И я сказал ему <...> И который де чин имеши, крылошанин ли и как имя? И яз ему сказал имя свое Варлам. <...> Да ему же я говорил: которое тебе дело до меня? И он сказал: <...> мне де славы и богатства земнаго не хочетца <...> хочю с Москвы съехати в дальней монастырь; и есть монастырь в Чернигове, и мы пойдем в тот монастырь. — И я ему говорил <...> в Чернигове тебе не привыкнути <...> И он мне говорил: хочю де в Киев в Печерской монастырь <...> пойдем до святого града Иерусалима, до Воскресения Господня и до Гроба господня. <...> господа ради гроба пойдем. <...> И на завтрее сошлись в Иконном ряду, аже у внего приговорен ехати же чернец Мисайло, а в мире звали Михаилом, Повадин, и я знал его у князя Ивана Ивановича Шуйского. И шед мы за Москву-реку, и наняли подводы до Болхова, а из Болхова до Карачева, ис Карачева до Нова-городка Сиверского. И в Новегородке принялися в Преображеской монастырь <...> И на третьей недели после Велика дни в понедельник вожжа добыли Ивашка Семенова <...> и Ивашка вож за рувбеж провел в Литовскую землю...»

Невозможно поверить, что, выйдя из Кремля, Отрепьев подошел к первому попавшемуся монаху, спросил его имя и предложил на следующее утро отправиться в Иерусалим, на что получил немедленное согласие. Эта явная выдумка могла потребоваться автору потому, что реальную историю рассказать было невозможно. Неожиданно появляющийся Мисаил оказывается давним знакомым Варлаама, а по некоторым источникам, все трое — монахи Чудова монастыря.

Ирина Сергеевна Моисеева родилась в Ленинграде. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. В 1989 году вступила в Союз писателей СССР. Автор поэтических книг «Стихи» (1992), «Чужие стихи» (2003), филологического романа «Синдром Солженицына». Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Главы из книги.

Упоминание в челобитной царю Василию Ивановичу Шуйскому князя Ивана Ивановича Шуйского, в доме которого встречались вынужденно принявшие постриг дети боярские Мисаил (в миру Михаил Трофимович Повадин из Серпейска) и Варлаам, указывает на то, что к интриге с Отрепьевым Шуйские имели не совсем то отношение, которое принято считать.

Выдумка о случайной встрече должна скрыть истинные события, она же, да и весь искусно составленный «Извет», показывает нерядовые интеллектуальные способности автора, его изоциренный ум. Виден из текста отнюдь не смиренный нрав старца. Возможно, наследственный. Несколько помещиков Яцких служили вместе с отцом Юрия Отрепьева. В коломенской десятке, где был записан Богдан Отрепьев, против имени двух Яцких стоит помета: «бегают в разбое».

Другого спутника Отрепьева, Повадина, современники характеризуют кратко: «разумом прост». Таким образом, достоинство, которое выделило его из всех возможных участников путешествия, скорее всего, заключается в недюжинных физических качествах. Идеальная сочетаемость сопровождающих не только исключает случайность подбора, но свидетельствует о заблаговременной продуманности всего предприятия.

Дальнейшая судьба попутчиков (Мисаил отправлен в монастырь, Варлаам брошен в тюрьму) показывает, что они были, скорее всего, не выбраны Отрепьевым, а представлены к нему.

Погрузившись на подводки, новоявленные паломники отправились в приграничный Новгород-Северский, откуда, имея благословение игумена, старцы вполне легально могли перейти границу. Вместо этого они три недели искали проводника для контрабандного перехода. О паломничестве ко Гробу Господню было забыто сразу же по приходу в Киев в июне 1602 года.

Зачем же двадцатилетний монах, за полгода сделавший блестящую карьеру в столице, внезапно ее прерывает и уходит в неизвестность? Ответ в маршрутах Отрепьева по Речи Посполитой. Из последовательности остановок вырисовывается цель похода, он словно направлен для поиска кредитов, без которых вооруженные отряды не собрать, а без военной поддержки власть не получить. Денег у разгромленной Борисом Годуновым оппозиции недостаточно, а главное, скрытно не собрать наемников, которых к тому же в России не найдешь. Готовая военная сила — казаки, для их похода на Москву требуются серьезные материальные вложения и, разумеется, хоть какое-то идеологическое обоснование кампании.

Первая остановка — Киево-Печерская лавра. Русская церковная фронда, сочувствующая романовскому кругу, безусловно, имела устойчивые контакты с православным сообществом в Литве и Польше. Однако православная церковь там была слабой и полностью зависимой от магнатов. Выслушав легенду о спасенном царевиче, архимандрит Елисей никакой заинтересованности участвовать в русских разборках не проявил, лишь на три недели дав кров бродячим инокам.

Многие исследователи приходят к выводу, что Григорий Отрепьев был послан в Киев некими «московскими людьми». В таком случае его должны были снабдить адресами и рекомендациями.

От настоятеля Киево-Печерской лавры Отрепьев перебирается к киевскому воеводе, князю Константину Константиновичу Острожскому, потомку Гедимина. Могущественный магнат при желании один мог бы выступить успешным союзником московских заговорщиков. Его владения находились в Подолии, Галиции и на Волыни, в его собственности находилось 620 населенных пунктов. «Острожчина», то есть имения князя Константина Острожского на Волыни, была государством в государстве. Историки называют ее «империей», а ее владельца — настоящим монархом. В 1595 году Константин Острожский угрожал королю, обещая выставить двадцатитысячную рать. Даже на сеймы он выезжал с пятитысячным отрядом.

Когда-то взятый в плен князь Константин Острожский был доставлен в оковах в Москву, и, как пишет Карамзин: «Иоанн чтит его и склонял вступить на нашу службу. Константин долго не соглашался: наконец, угрожаемый темницею, присягнул в Верности Российскому Монарху весьма неискренно...»²

Князь Константин Острожский не только состоял в переписке с князем-перебежчиком Андреем Михайловичем Курбским, но и являлся его душеприказчиком. Московский двор и события, происходящие там, без сомнения, были хорошо известны и небезразличны киевскому воеводе, однако у всесильного магната не было достаточных мотивов ввязываться в интриги соседей.

Отрепьев пользовался гостеприимством радетеля православия князя Константина Острожского до осени 1602 года, затем перебрался в Гощу, где, по словам Варлаама, остановился у «пана [каштеляна] Краковского, князя Яныша Острожского <...> у него и зимовал».

Князь Януш (Иван) Константинович, старший сын князя Константина, первый из Острожских принял католичество. По его завещанию имение на Волыни было передано в наследство Мальтийскому ордену, учрежден «Острожский» майорат.

Не найдя моральной и материальной поддержки у владельцев «острожского государства», Отрепьев заинтересовался влиятельной сектой ариан-социанитов, центр которой располагался в Гоще. При мужском монастыре был открыт коллегийум, где обучали еретическим догматам. Одним из учителей был русский монах Матвей Твердохлеб, известный проповедник арианства, считавшегося шляхетской религией. Варлаам писал, что бывшего дьякона учили «по-латынски и по-польски». Судя по тому, что впоследствии собственный титул он начертал в два слова «im perator», уроки были недостаточны, зато «яд неверия» «царевич» впитывал с наслаждением, а приобретенные знакомства сыграли в его судьбе значительную роль. В марте—апреле 1603 года Отрепьев «из Гощи пропал безвестно». Имеются данные, что именно ариане помогли ему наладить связи с запорожскими единомышленниками. Самозванец отбыл в Запорожье, где его с честью приняли в отряде запорожского старшины арианина Герасима Евангелика. Когда начался московский поход, в авангарде армии Лжедмитрия I шел отряд казаков во главе с арианином Яном Бучинским, ставшим другом, советником и секретарем самозванца до последних дней.

Если у Отрепьева как Лжедмитрия действительно были московские кураторы, то их патронаж заканчивается в пути из Киева в Гощу. Противники Годунова могли искать союзников среди православных магнатов Речи Посполитой и даже у самого Сигизмунда III, но помощь еретиков несла слишком большие репутационные потери и потому была неприемлема. Отрепьев должен был навсегда расстаться с честолюбивыми мечтами или, забыв об «опекунах», начать собственную игру. Очевидно, что чем дольше он находился в Польше, тем больше утверждался в мысли, что и сам справится с властью не хуже других. Что он выбрал, известно.

Василий Осипович Ключевский приходит к выводу: «Он [Дмитрий] держался, как законный, природный царь, вполне уверенный в своем царском происхождении».

Самозванец в принципе не может позволить себе других вариантов поведения. Кроме того, близко наблюдая повседневную жизнь «лучших» московских людей, вряд ли можно было проникнуться к ним глубоким уважением. У Отрепьева, очевидно, полное отсутствие каких бы то ни было комплексов худородства не только по отношению к Годуновым или Романовым.

Цинизмом проникнуты его взгляды не только на высшую светскую власть, но и на любых представителей духовенства. Легкость, с которой Лжедмитрий, исходя из прак-

² Н. М. Карамзин. ИГР. Т. 6. Ст. 186.

тической пользы, меняет одну конфессию на другую, обличает в нем атеиста, благо-разумно скрывающего свои убеждения.

Позже он будет насмехаться над испанским королем и императором Священной Римской империи, равняя себя с Александром Македонским. Современники отмечают в характере Лжедмитрия I не робость и застенчивость, а самоуверенность и часто неуместную заносчивость. Все это при несомненном артистизме, позволяющем ему выказывать при необходимости униженность и покорность. Таким рисуют его поведение у папского легата и польского короля иезуиты, подозревая расчетливое лицемерие. Веря в собственные таланты, Отрепьев-Нелидов-Неледзевский, вернее всего, гордился и своей родословной.

Сведения об отце Богдане Болеславе Отрепьеве скудны и противоречивы. В основном они сводятся к тексту двух дипломатических сообщений, одно составлено при Борисе Годунове, второе — при Василии Шуйском.

Общее содержание обеих депеш таково: стрелецкий сотник Богдан Болеслав Иванович Отрепьев к 1600 году был мертв. И там, и там сказано, что убит в Москве. Дальше разночтения. Да и вся биография Отрепьева строится на дипломатической переписке, которая в интересах государственной политики обязана бывает прибегать к порицаемой в житейской практике лжи.

В Польшу сообщали: «Юшка Отрепьев, як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зерню и бражничал и бегал от отца многожды и, заворовався, постригсе у чернцы».

А некоторые московские летописцы утверждали, что Юшка «остался после отца своего млад зело» и воспитанием его занималась мать.

Понятно, что малолетний ребенок не мог пьянствовать, играть в азартные игры, впадать в ересь, многократно убегая из дома.

Из официальных заявлений становится ясно, что Отрепьев был связан, по крайней мере, с двумя знатнейшими боярскими фамилиями — с Романовыми и Черкасскими. Его называют холопом, однако этот термин использовался для обозначения представителей разных социальных групп. Это и рабы, занятые в хозяйстве господина или обрабатывавшие его пашню, и военные слуги вельмож, ходившие с ними на войну, управлявшие их владениями, а часто и отданными в «кормление» округами. Всех объединял общий признак — личная зависимость от господина.

Службу Отрепьева у бояр романовского круга, по-видимому, можно считать подлинным историческим фактом.

Предки Отрепьева — выходцы из Великого княжества Литовского, как, по одной из версий, и предки Федора Романова.

В «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова сказано: «Вместе с Дмитрием Ольгердовичем прибыл в Москву боярин Владислав с Нилка Каш — Неледзевский, родоначальник Нелидовых, он участвовал в Куликовской битве и остался служить великому князю, который пожаловал ему село Никольское с деревнями в Суздальском стану Боровского уезда, «и Владислав то село по прозванию своему назвал Нилским и учал он, Владислав, писаться Нелидовом»³.

Гербовое дело Нелидовых Департамента герольдии Правительствующего Сената по Владимирской, Костромской, Псковской, Санкт-Петербургской и Ярославской губерниям 1868 года хранит их герб «Правдиц» («Правда»). В Польше этот герб известен с XIV века, с тех пор, как впервые им овладел основатель рода Владислав с Нилка Каш Неледзевский перед поездкой на Русь к князю Дмитрию Донскому.

³ В. В. Руммель, В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1882, с. 138–139.

Польский герб объединял необязательно родственников по крови, это скорее воинский отряд, братство — отсюда русское панибратство. К одному гербу принадлежали разные семьи. И если действительно Владислав с Нилка Кащ Неледзевский был, то, вероятнее всего, он был глава такой группы.

История гибели Богдана Борислава Отрепьева рассказывается примерно так: «Как-то раз Богдан, отличавшийся задиристым нравом и склонностью к пьянству, подрался с выходцем из Литвы и был убит».

Логика такая: был убит в Немецкой слободе, где беспощинно продавали спиртное, значит, был пьян. Раз был пьян, значит, подрался. Раз подрался, значит, нрав буйный.

Что произошло на самом деле? Сегодня неизвестно, хотя для Бориса Годунова тайны не было.

Возможно, была и драка, но литвин необязательно иностранец, было и имя собственное, например, в Тысячной книге упоминается Литвин Захарьин. Любое нанесение увечья тщательно расследовалось, а уж убийство иностранцем представителя власти тем более. Дело должно было быть тщательно расследовано, виновный понести наказание, а запись о суде и следствии храниться в Разбойном приказе, откуда незамедлительно была бы доставлена Борису Годунову по первому требованию.

В Тысячной книге названы пять Нелидовых.

В мирное время «тысячники» рассылались в качестве городских воевод или осадных голов в пограничные города, назначались начальствующими лицами для дозора за засечными чертами и на строительство городов и пограничных укреплений. Во время военных действий значительное их число становилось полковыми воеводами, головами — сотенными, стрелецкими и казачьими. Много «тысячников» было среди командного состава государева полка и в свите царя. «Тысячников» посылали впереди выступавшего в поход войска в качестве квартирмейстеров, они же наблюдали за состоянием дорог, мостов и перевозов. «Тысячники» стояли во главе приказов, были наместниками и волостелями (начальниками над той или иной волостью). Это было не просто еще одно вооруженное формирование — возник своеобразный исполнительный орган.

Отдельные части войска возглавляли воеводы. В каждом полку имелось два или три воеводы, при этом один из них был главным. После воевод стояли «головы». Ниже их — сотники, полусотники, десятники каждого рода войск.

По нашим соответствиям — стрелецкий сотник приблизительно полковник. В Москве было не больше десяти стрелецких сотников, убийство такого человека — чрезвычайное событие, несмотря на то, что драка могла случиться и в кремлевских палатах. Например, Федор Романов с ножом набросился на Бориса Годунова, Михаил Салтыков угрожал ножом патриарху Гермогену.

Уникальна личность Варвары Отрепьевой, матери самозванца. Сведения мизерные, но в высшей степени красноречивые. Она сама обучила сына читать и писать. Эта скромная информация, казалось бы, заслуживает большего внимания, чем ей обычно уделяется. Мелкие провинциальные дворяне, молодая девушка и вдруг учит грамоте. Значит, сама умеет читать и писать, да и учить умеет. Если бы речь шла о XIX веке, ничего удивительного. Но жена стрелецкого сотника должна была обучаться в середине XVI века, во времена Ивана Грозного, Ливонской войны.

Известно, что отважный полководец Иван (Меньшой) Васильевич Шереметев не «приложил свою руку», то есть собственноручно не поставил свою подпись под постановлением Земского собора 1566 года, потому что не умел писать. И в этом нет ничего

удивительного, так как неграмотность в середине XVI века была заурядным явлением среди высших лиц Московского государства. Дочь этого Ивана Васильевича Шереметева, Елена Ивановна, станет невесткой Ивана IV. И гораздо позже аристократы образованностью не отличались. На присяге русских дворян первому Романову вместо подписи князя Ивана Федоровича Троекурова (женатого на родной сестре патриарха Филарета, Анне Никитичне) и многих других, менее известных, стоит крест с отметкой: «по неумению грамоте».

В какой же семье должна была родиться Варвара Отрепьева, обучившая будущего царя? Современники и историки особо отмечают его изысканный литературный слог.

Нельзя забывать и о чудесной географии. Два русских царя первой четверти XVI века были уроженцами соседних сел.

Владельцами Гощи с XV века были князья Гойские (Хойские). Гавриил Хойский, близкий друг князя Януша Острожского, маршалок (дворецкий), поддерживал дружеские отношения и с другой влиятельной семьей — князьями Вишневецкими. Так что уже перед отъездом в Запорожье следующая остановка, надо полагать, была намечена. Покровительство Адама Вишневецкого, православного магната, дальнего родственника Ивана IV, сводило на нет все обвинения в ереси и придавало легитимность претенденту на русский престол. В свою очередь князь Адам имел в интриге свои цели. Вишневецкие враждовали с московским царем из-за приграничных земель. Приняв самозванца, одним этим он уже отомстил Борису Годунову за приграничный конфликт, а в случае успеха авантюры мог значительно расширить свои территории.

Так что появление у Адама Вишневецкого летом 1603 года Отрепьева вряд ли было случайным. Необходимости в симуляции смертельной болезни для открытия тайны рождения, скорее всего, тоже не было. «Царевич» уже открылся князю Константину Острожскому; именно как Дмитрия Ивановича знал его князь Януш Острожский, принимавший гостя зимой 1602—1603 года. Сохранилось письмо князя королю Сигизмунду III от 2 марта 1604 года, в нем краковский каштелян рассказывает, что «несколько лет знал москвитянина, который называет себя наследственным владельцем Московской земли: сначала он жил в монастыре отца в Дермане, затем у ариан».

Из этого следует, что и Гавриил Хойский не мог не быть посвящен в чудесную историю воскресшего наследника московского престола.

Прибывший в Брачин «царевич», к тому же уже заручившийся поддержкой казаков, был желанным гостем князя Адама. В «Извете» Варлаама сообщаются подробности: «...и очутился в городе в Брачине у князя Адама Вишневецкого, и сказался князю Адаму царевичем князем Дмитрием Ивановичем Углецким. А тот князь Адам, бражник и безумец, тому Гришке поверил и учинил его на колесницах и на конех ездити и людно: из Брачина князь Адам поехал до Вишневца и того Гришку с собою взял и по паном, по радным его возил и сказывал его царевичем <...> И в Вишневце Гришка Отрепьев у него летовал и зимовал. И после Велика дни князь Адам его Гришку допровадил до Кракова, до короля...»

Паны-рада — совет Великого княжества Литовского, высший орган власти княжества. Рада выбирала великого князя, решала вопросы войны и мира, издавала законы и так далее.

7 октября 1603 года князь Адам Вишневецкий пишет письмо великому гетману коронному, главе польского войска Яну Замойскому, сообщая о появлении московского «царевича». В ответ Замойский посоветовал немедленно известить короля, что и было сделано. Сигизмунд III в ноябре 1603 года приказал представить подробный отчет о Самозванце и привезти претендента в Краков. Тогда и появилось жизнеописание

сание Лжедмитрия, составленное с его слов, записанное и отредактированное князем Адамом Вишневецким.

Ранней весной 1604 года князь Адам Вишневецкий вместе со своим двоюродным братом князем Константином Константиновичем Вишневецким сопровождал Лжедмитрия в Краков. По пути компания остановилась у сандомирского воеводы Ежи Мнишека, на дочери которого был женат Константин Вишневецкий. Остановка, скорее всего, была связана не с родственными чувствами, а с необходимостью привлечь к афере такого ловкого авантюриста, как Ежи Мнишек, имевшего самую одиозную репутацию.

Дед Марины Мнишек Николай перебрался в Польшу в первой половине XVI века из Моравии, которая входила тогда в Священную Римскую империю. Известно, что в Моравии предки Мнишеков появились в XV веке, достоверных сведений о более ранней истории рода нет.

В 1530 году Николай Мнишек стал королевским дворянином.

На сейме 1573 года Ежи Мнишек и его брат обвинялись в сводничестве, поставке знахарок и чародеев королю Сигизмунду II. Для него была похищена из варшавского монастыря Барбара Гизанка, похожая на отравленную королеву. Всей душой любивший свою жену, Сигизмунд-Август тяжело переживал ее безвременную смерть. Этим и воспользовались братья Мнишек, организовав спиритический сеанс и пригласив в королевскую резиденцию чернокнижника Яна Твардовского. Мистификация вполне удалась, в образе призрака выступила бывшая монахиня, и король попал в зависимость от ловких братьев. Также Мнишек обвинили в том, что они ограбили казну и вывезли ценности королевского замка. Сигизмунд II умер в нищете. Историк Сергей Михайлович Соловьев сообщает: «В казне его не нашлось денег, чтобы заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цепи, ни одного даже кольца, которые должно было надеть на покойника».

Аргументы в пользу изменения государственного строя, среди которых были примеры манипуляции монаршей особой, возымели действие, и Речь Посполитая на этом сейме превратилась из ограниченной монархии в аристократическую парламентскую республику.

В 1573 году был убит колдун и прорицатель Ян Твардовский, молва утверждала, что ненужный свидетель был убит по приказу братьев Мнишек.

Ежи Мнишек был женат на Ядвиге Тарло, девушке из польской дворянской семьи, отец и братья которой исповедовали арианство.

1603 год не был удачным для сандомирского воеводы, слишком много долгов накопилось у него к этому времени. Он должен был королю, многим магнатам, своим детям, их женам и мужьям; он не платил подати, поэтому когда осенью 1603 года в дом пришли королевские чиновники для ареста имущества, Ежи Мнишек был вынужден продать часть своих владений для возврата самых срочных долгов.

В момент появления князей Вишневецких с Самозванцем имущество Мнишека должны были описать со дня на день. Его поддержка интриги в первую очередь преследовала материальную выгоду. И если говорить о страсти, вспыхнувшей в семье воеводы, то это не девичья любовь, а неутолимая алчность хозяина дома. Роман прекрасной полячки и искателя приключений, как ни жаль, факт литературы, а не истории. Вполне вероятно, что Марина и Самозванец в это время друг друга вообще не видели. Ежи Мнишек с большим энтузиазмом взялся за неблагоприятное предприятие. Сразу же один из холопов Мнишека «узнал» в Отрепьеве царевича Дмитрия. Позже такая же процедура «узнавания» была проведена слугой канцлера Льва Сапеги, который принял хоть и тайное, но весьма живое участие в интриге. Челядь двух магнатов оказалась

главными свидетелями царского происхождения внезапно возникшего претендента на русский престол.

О благополучно проведенной процедуре признания «царевича» немедленно сообщили в Краков Клавдию Рангони постоянному представителю папы римского при дворе короля Речи Посполитой. Именно нунций Рангони представит 15 марта 1604 года Лжедмитрия королю Сигизмунду III как наследника русского престола.

В первых числах марта путешествие Самозванца в Краков продолжилось уже в сопровождении Ежи Мнишека. Планы похода на Москву, составлявшиеся в имени Вишневецкого, составлялись с расчетом на помощь казаков и татар. Новый покровитель «царевича» возлагал надежды на короля и коронную армию, так как знал о том, что Сигизмунд III ищет повода к войне с Россией.

Полномочий для объявления войны у польского короля не было, а большая часть сенаторов высказалась против нарушения недавно заключенного мирного договора. Наиболее прозорливые политики Речи Посполитой выступали за сближение с восточным соседом. Ян Замоиский даже предлагал скрепить мир с Россией браком короля с Ксенией Годуновой, не ожидая от авантюры ничего, кроме ущерба для Польши. Однако 13 марта 1604 года Сигизмунд III предложил Яну Замоискому возглавить поход королевской армии в Россию. Гетман категорически отверг эти планы.

Но 15 марта 1604 года состоялась аудиенция Отрепьева в королевском замке. Он произнес заранее приготовленную речь с просьбой о покровительстве. В ответном слове, переданном через вице-канцлера, король приветствовал «Дмитрия», однако ничего не обещал, сославшись на то, что Речь Посполитая соблюдает договор о перемирии с Россией.

После соблюдения приличий начались торги. Около месяца ушло на согласование позиций и подписание документов.

24 апреля написано письмо Лжедмитрия папе Клименту VIII, подводящее итоги переговоров и содержащее просьбу о помощи в подчинении России власти Ватикана. Нунций Рангони причащает «Дмитрия» и в дальнейшем становится его ходатаем перед папой.

В 14-м номере сборнике «Старина и новизна»⁴, вышедшем в 1911 году в Санкт-Петербурге, опубликован перечень обязательств Лжедмитрия.

Ib. Str. 159

Conditiae Carewiczowi od Krola Se Msci.

1. Aby ziemię Siewirska wrocil Koronie.
2. Aby Unię Wieczną Panstw uczynil.
3. Aby Koscioły Rzymskie budowal y Ezyity wprowadzil y ine duchowienstwo.
4. Aby do Rekuperania Szwecy pomogl.
5. Pozwalaiać mu sie żenic w Panstwach naszym, bys Krolewną na co przysiągl.

Первые четыре пункта очень просты: передача польской короне Северной земли, заключение вечной унии с Речью Посполитой, разрешение свободного въезда иезуитов в Россию и право строить там костелы, а также помощь королю в возвращении шведского престола. Вряд ли эти требования вызвали замешательство у соискателя шапки Мономаха — почему бы и не пообещать? Ведь в апреле 1604 года у него ничего не было.

⁴ Старина и новизна. Кн. 14, СПб., 1911. С.443—444. Материалы по Смутному времени.

Сигизмунд III был не менее щедр: «...с этого времени вы друг наш и находитесь под нашим покровительством. Мы позволяем вам иметь свободное обращение с нашею шляхтою и пользоваться ее помощью и советами». Кроме этого, «Дмитрий» получил золотую цепь с портретом короля и содержание в сорок тысяч злотых, которое он должен был получать за счет налогов с Самбора. Налогов, давно уже не выплачиваемых Ежи Мнишеком.

С пятым пунктом кондиций дело обстояло сложнее. Автором его, несомненно, был искушенный в казуистике Ежи Мнишек, и он же являлся главным бенефициаром сделки. В современном правописании пятая строка должна выглядеть так: «Pozwala mu sie żeni w Panstwach naszych, bys Krolewną na co przysiągł». До запятой все ясно: «Ему разрешается жениться в странах наших...», а дальше идет что-то витиеватое: «он клянется, что станет королевной...» Обычно переводится как «клятвенно обещал жениться на подданной польского короля».

Узы брака грозили личной свободе Лжедмитрия, и, судя по всему, расставаться с ней ему было тяжелее, чем с государственными землями и верой предков.

Брачный договор (его еще называли ассекурацией — страхованием) был подписан лишь через месяц, 25 мая 1604 года. Имя будущей царицы в соглашении названо не было, но понятно, что смотрин невест не предполагалось. Отец тринадцатилетней Марины полностью контролировал Самозванца. Так что удивлять может лишь то, что договор не подписали еще в апреле.

Процедура официального признания Григория Отрепьева законным наследником русского престола властями Польши и Ватикана заняла около двух месяцев.

15 марта — первая аудиенция Григория Отрепьева у польского короля.

20 марта — прием Григория Отрепьева у папского нунция Рангони в Кракове.

17 апреля — переход Григория Отрепьева в католичество.

23 апреля — последняя аудиенция Григория Отрепьева у короля Сигизмунда III, во время которой подписываются кондиции.

25 мая — подписан брачный контракт между «царевичем Дмитрием» и Мариной Мнишек.

В конце мая началась подготовка к военному походу.

Первыми выступили части, обеспечивающие информационную поддержку, постарались монахи-иезуиты. В Италии, Испании и других странах появились памфлеты, с большим пафосом повествующие о восторжествовавшей справедливости, восстановлении династии Рюриковичей в лице внезапно возникшего «сына» Ивана Грозного. Католическая Европа радостно предвкушала перемены, связанные с восшествием на московский престол Дмитрия II (Самозванца). Очевидно, источником этого ликования было обещание, данное Сигизмунду III о заключении вечной унии Москвы с Речью Посполитой.

Поддержка, скорее всего, была и в виде кредитов, впрочем, не слишком больших — в Европе наемники ценились высоко и стоили дорого, а в войске Лжедмитрия их явно не хватало. Приглашались все желающие, готовые пуститься в путь, получив лишь долговые расписки да возможность безнаказанно участвовать в грабеже. Основные боевые единицы рекрутировались из Запорожской Сечи, что придавало всей затее с Самозванцем дополнительную привлекательность. Воспоминания о бунте Северина Наливайки были еще свежи в памяти, а теперь проблема постоянной угрозы «казацкой войны» на некоторое время была решена Сигизмундом III без специальных усилий. Янош Острожский, в своих письмах намекая на самозванство претендента на русскую корону, предупреждал об опасности союза Лжедмитрия с казаками. Но польского ко-

роля это не волновало, ведь потенциальные бунтовщики отправлялись в ненавистную «Московию».

Кроме Ежи Мнишека, одним из главных организаторов военного похода на Москву был князь Константин Вишневецкий. Обещал помочь деньгами и прислать в помощь две тысячи всадников литовский канцлер Лев Сапега, впрочем, этой помощи не дождались. Литовские магнаты решительно отказались поддержать авантюру, зато мелкая шляхта откликнулась с энтузиазмом.

К концу августа в окрестностях Львова собралось полторы тысячи шляхтичей и гайдуков. На рыцарском коло избрали гетмана — Ежи Мнишека, а его родственники и друзья сосредоточили в своих руках все командование армией Самозванца.

После переправы через Днепр войско пополнилось тремя тысячами казаков. Их могло бы быть и больше, но летом 1604 года запорожский старшина Семен Скалозуб, получив от Бориса Годунова казну, собрал три тысячи семьсот казаков и ушел в поход на Черное море, к турецким берегам.

Вторжение Лжедмитрия поддержало донское казачье войско, и поддержка эта не была спонтанной. Еще в апреле 1603 года, когда Отрепьев гостил у запорожских ариан, были установлены связи с донскими казаками. Осенью 1603 года его послы посетили Раздоры на Дону. Самозванец обратился за помощью, обещая волю, что нашло горячее одобрение казаков. Круг постановил признать прирожденного государя.

Донцы стали первыми в России, кто решительно заявил о поддержке «законного монарха».

Войсковой атаман Иван Степанович Чертенский написал Лжедмитрию письмо от имени всего Донского казачьего войска: «Писал ты до нас <...> — значилось в казацкой отписке, — относительно полных вольных лет»⁵.

Это неопределенное обещание произвело на казаков магическое действие. «Приговорную грамоту» повезли атаманы Андрей Корела и Михаил Межаков в сопровождении пятерых станичников. Но атаманы вместе с пакетом были перехвачены князем Янушем Острожским и взяты под стражу. Допросив «злодеев», он срочно обратился к королю, предлагая с помощью военных мер пресечь замышлявшееся «воровство». Однако князь опоздал. Сигизмунд III уже сам примкнул к «воровству» и в ответном письме настоятельно советовал освободить Корелу и Межакова.

Хоть и с существенной задержкой, но гонцы с Дона к «царевичу» явились. В ответ на признание Самозванец послал на Дон свой штандарт — красное полотнище с двуглавым орлом посередине. Все лето 1604 года не прекращались сношения казаков с «прирожденным государем».

Войско, собравшееся в октябре 1604 года на берегах Десны, готовое ко вторжению в пределы России, состояло в основном из казаков.

Были надежды и на то, что удастся втянуть в военные действия татар, но Крым так и не решился на войну с русским царем.

Отрепьев провел за границей два года шесть месяцев.

Кремлевский чистильщик

Самозванец ценен для польского короля как «предлог раздоров и войны», слабый, зависимый и управляемый глава соседнего государства. Задачи, стоящие перед ним, лаконично обрисовала пушкинская Марина Мнишек в сцене у фонтана: «Очисти

⁵ Старина и новизна. Кн. 14. С. 413.

Кремль, садись на трон московский...» А дальше посмотрим. «Очисти Кремль» в переводе с высокой поэзии — убийство Годуновых.

Точно такие же проблемы стояли перед Федором Никитичем Романовым, когда он в 1600 году готовился к государственному перевороту. Необходим был предлог для того, чтобы сместить два года назад избранного и венчанного на царство государя, к которому у подданных не было претензий. Требовался человек, готовый принять на себя грех убийства Бориса Годунова и его сына. Авантюрист-одиночка, которого впоследствии легко устранить. Что и произошло в мае 1605 года — чистильщик сам был зачищен. Разумеется, Романовыми, конечно, не рассматривалось непосредственное участие иностранных наемников, тем более короля и католических миссионеров. Путь к власти оказался дольше и труднее, но все-таки привел к цели.

Предприятие Лжедмитрия — это, по сути, дворцовый заговор. По форме — династическая война. В реальных условиях, можно сказать, династическая недовойна. У Самозванца какое-никакое собственное войско было, у Бориса Годунова была только государственная армия, и как бы она ни была могущественна, в дворцовом перевороте бессильная, что отлично доказала кампания 1604—1605 годов.

Поход «царевича» в компании солдат удачи и казаков не был иностранной интервенцией, она случилось позже, когда присягнули польскому королевичу Владиславу. И слава зачинщика Смуты напрасно приписывается Лжедмитрию I.

В ней виноваты бояре и князья, соблазнившиеся честолюбивыми мечтами и поддержавшие Тушинского вора, образовавшие параллельный центр власти. Не будь их измен, власть справилась бы и с разбойничьими шайками, и с польскими интервентами, что в конце концов и случилось.

Путь Самозванца в Москву хорошо изучен.

Первым сдался Лжедмитрию город Моравск (Монастырский острог).

Город был восстановлен Москвой в 1594 году на месте древнерусского поселения, сожженного во время княжеских междоусобиц. В небольшом остроге расположился пограничный гарнизон.

13 октября 1604 года к Моравску подошел отряд казаков во главе с атаманом Белешко. Атаман потребовал сдачи города. Воеводы попытались организовать оборону, но были связаны и выданы казакам. Силы были слишком неравные, и население перешло на сторону Лжедмитрия, избегая бессмысленного кровопролития. Жителям было проще и выгоднее признать «царевича», чем оказывать ему вооруженное сопротивление.

Получив радостное известие, 21 октября Лжедмитрий въехал в город. Доблести в этом не было никакой. Остановились отдохнуть. Моравск стоял на берегу Десны, то есть на самой границе. До Чернигова надо было добираться километров пятьдесят. Туда вслед за слухами о появлении Лжедмитрия 4 ноября прибыла сотня атамана Белешко.

Чернигов — исторический центр Северной земли, или Северщина. В XIV веке он был присоединен к Литовскому княжеству. Литовцы превратили Чернигов в форпост на своей юго-восточной границе, построили там деревянную крепость для защиты от набегов татар. По итогам русско-литовской войны (1500—1503) Чернигов вошел в состав Русского государства. В 20-х годах XVI века всю Северщину присоединили к Великому княжеству Московскому. Литва не смирилась с потерей, и многочисленные военные походы с целью вернуть утраченное продолжались почти 100 лет. В 1531 году крепость обновили, окружили глубоким рвом и устроили подземный ход к реке.

Гарнизон Чернигова имел провиантские и пороховые склады, 27 пушек и насчитывал около 1000 человек. Все штурмы во время Ливонской войны, а также татарские на-

беги были успешно отбиты. Среди потерпевших неудачу под стенами Чернигова были князь Михаил Вишневецкий и князь Константин Острожский со своими войсками.

Лжедмитрий оказался гораздо удачливее татар и польско-литовских князей, ему вообще не пришлось воевать. Ворота в город оказались открыты. За это после воцарения на московском троне Самозванец освободил город от налогов на 10 лет.

В русских и иностранных источниках описание обстоятельств отпадения Чернигова похожи. Первый воевода князь Иван Андреевич Татев пытался организовать сопротивление, но не преуспел в этом. Несмотря на то, что значительная часть стрельцов оставалась верной присяге и упорно сопротивлялась, какие-то негодяи связали воевод «и сами здалися к ростриге». Пленных воевод доставили в лагерь к Самозванцу. Дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов отказался признавать «царевича» и был казнен. А князья присягнули «природному государю».

Отрепьев вступил в Чернигов на следующий день после его сдачи, когда первые грабежи закончились.

К польско-казацкой свите прибавились два князя Рюриковича Иван Андреевич и Борис Петрович Татевы и князь Петр Михайлович Шаховской.

Трудно поверить, что такой опытный воевода, как князь Иван Андреевич Татев (28 лет воеводства в различных украинских городах: Орел, Ливны, Чернигов), допустил оплошность в организации обороны Чернигова. Князь Борис Петрович Татев вступил в службу на 14 лет позже, но и у него в активе воеводства во Мценске, Орле, Цареве-Борисове; разгром и изгнание за пределы южнорусских владений крымских татар, а впоследствии успешная оборона Москвы от войска Ивана Болотникова и, наконец, смерть в бою. Слишком похоже, что «черными людьми», сдавшими город, были его воеводы. Татевы из рода князей Стародубских служили государю в бывших родовых землях как знатоки местных условий, но его полным доверием не пользовались. Н. С. Воронцов-Вельяминов, родственник Бориса Годунова, публично казненный в первый же день после сдачи Чернигова, видимо, должен был присматривать за не вполне лояльными Татевыми.

По свидетельству царского телохранителя Конрада Буссова, при первых же известиях о появлении Самозванца на русской территории Борис Годунов сказал в лицо боярам, что «это их рук дело и задумано оно, чтобы свергнуть его». Слова эти не только говорят о прозорливости и жизненной опытности Годунова, но и о его осведомленности.

Сохранился текст челобитной Бориса Михайловича Лыкова-Оболенского (шурина Бориса Петровича Татева) на князя Дмитрия Михайловича Пожарского. В ней сообщалось: «Прежде, при царе Борисе, он, князь Димитрий Пожарский, доводил на меня ему, царю Борису, многие затейные доводы, будто бы я, сходясь с Голицыными да с князем Татевым, про него, царя Бориса, рассуждаю и умышляю всякое зло». Цену своим боярам Годунов знал, однако большого выбора у него не было.

Князь Борис Петрович Татев получил боярство в 1605 году от царя Димитрия Ивановича и гулял на его свадьбе в 1606 году. Иван Андреевич Татев сопровождал Самозванца в походах, вместе с ним бежал в Путивль, оттуда был послан к Сигизмунду III за военной помощью, также гулял на свадьбе царя, где выполнял почетные обязанности: встречал в сенях польско-литовское посольство.

Другой воевода князь Петр Михайлович Шаховской, человек в летах, был вознагражден за предательство в лице своего сына, получившего боярство от нового московского государя.

Борис Годунов не только сетовал и укорял бояр, получив известие о вторжении Самозванца: в течение 7–8 дней был отправлен на помощь черниговским воеводам отряд стрельцов под командованием окольного Петра Федоровича Басманова. Подмога опоздала. Узнав о событиях в Чернигове, Басманов отступил к Новгороду-Северскому.

Окрыленный легкими успехами Самозванец полетел туда же, 11 ноября город был окружен.

Однако Новгород-Северский открывать ворота не собирался. Пока старший воевода князь Никита Романович Трубецкой готовился к отпору внешнего врага, младший воевода Петр Федорович Басманов расправлялся с внутренними врагами. Услуги, оказанные им Годунову, имели особый характер. Он оперативно обнаружил измену в гарнизоне и безжалостно подавил назревавший мятеж. Все, попавшие под подозрение, были повешены.

Полякам-парламентерам, приехавшим с предложением сдаться, со стен крепости отвечали: «А, б...е дети! Приехали на наши деньги с воров!»

13 ноября поляки попытались захватить крепость, но были отбиты.

В ночь с 17-го на 18 ноября последовал новый штурм, закончившийся полным провалом. Понеся большие потери, наемники отступили. Первое же поражение посеяло в лагере Отрепьева страх и неуверенность. Однако надежды на успех сохранялись, 3 декабря стало известно, что «волость кромы поддалась». Комарицкая волость сделала свой выбор. Из альтернативы быть ограбленными или грабить самим комаринцы предпочли второе. К тому же обещания «царевича» были очень заманчивы, они сулили освобождение от налогового бремени и натуральных повинностей.

Когда в Москве узнали о вторжении самозванца, Борис Годунов призвал под знамена все воинские силы государства. Тринадцатилетняя мирная передышка закончилась. Дворянское ополчение собралось только к 12 ноября. Опасность не казалось серьезной, сражаться с разбойничьими шайками должны были стрельцы. Покидать дом ради участия в далеком приграничном конфликте не хотелось.

18 декабря армия князя Федора Ивановича Мстиславского подошла к Новгороду-Северскому и простояла в полном бездействии три дня. Численность царской армии намного превышала силы наемников, однако Мстиславский не использовал выгоды своего положения.

21 декабря польские гусары атаковали царское войско, а одна из гусарских рот оказалась в расположении ставки Мстиславского. Его самого сбили с коня и нанесли несколько ударов по голове. Спас князя Михаил Борисович Шеин, женатый на дочери М. О. Годунова. Атаку отбили. Часть гусар была убита, остальные взяты в плен. Командование русскими войсками взяли на себя воеводы князь Василий Васильевич Голицын и князь Андрей Андреевич Телятевский, но не введя в дело главных сил, отдали войску приказ отступить.

Профессиональный французский наемник Жак Маржерет, участвовавший в битве, заметил, что обе армии после небольшой стычки разошлись без особых потерь.

Борис Годунов щедро наградил своих воевод. Особо отличившийся Петр Басманов был вызван в Москву, где его торжественно встретил сам царь. Басманов получил боярство, большое поместье, две тысячи рублей и много ценных подарков.

В лагере Самозванца стало известно о сдаче Путивля воеводой князем Василием Михайловичем Рубец-Мосальским, но, несмотря на хорошие новости, Лжедмитрий принужден был отступить. После сражения рыцарство потребовало у Лжедмитрия денег. Денег не было. 1 января 1605 года вспыхнул открытый мятеж. Начался грабеж обозов. Поляки решили вернуться на родину. Лжедмитрий уговаривал остаться, падал на колени, но в ответ слышал только брань, наконец у него вырвали знамя и сорвали с него соболью ферязь. Вдогонку кто-то крикнул: «Ей, ей, быть тебе на колу!»⁶

Предпочтя встречу с кредиторами встрече со смертью, 4 января главнокомандующий Ежи Мнишек с большей частью поляков «разъехались с его милостью царевича»

6 РИБ. Т. 13. С. 34–35.

чем». Верными остались иезуиты, немного шляхтичей и казаки. Запорожская Сечь даже прислала пополнение, около 12 тысяч бойцов. Войско стремительно становилось казачьим и требовало решительных действий.

Лжедмитрий двинулся к Севску, который он занял без боя. Там к Самозванцу присоединились 12 тысяч запорожских казаков, несколько сот донских и не считанные, чем попало вооруженные черниговцы, комаринцы, путивляне. Войско, увеличиваясь в количестве, теряло в качестве.

20 января князь Федор Иванович Мстиславский разбил свой лагерь в большом комарицком селе Добрыничах, неподалеку от ставки Лжедмитрия. Отрепьев созвал военный совет, решающим на котором было мнение казачьих атаманов: атаковать немедленно.

Ранним утром 21 января завязался бой, Самозванец возглавил гусар. Единственная в его жизни атака закончилась позорным бегством. Во время отступления под ним была ранена лошадь, и он чудом избежал плена. Рассказывали, что спас Лжедмитрия, отдав ему своего коня, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский, два месяца назад, и это уже не легенда, сдавший «царевичу» Путивль. «И то же зимы бояре и воеводы князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи вора Ростригу и Литовских людей в Добрыничах побили, а ко государю с сеунчом послали Михаила Борисовича Шеина. И государь Михаила Борисовича пожалова <...> а побитых людей велел счесть и погресть, и сочтено побитых людей (11 500 человек) полдруганатцати тысеци. А Рострига з бою с невеликими людми утек в Севской, а оттуды побежал в Путивль. А из Новогородка воеводам велел государь быть к Москве, а в Новогородке велел государь быть из полков князь Ивану Васильевичю Голицыну»⁷. Но князь Иван Васильевич Голицын приказания не исполнил, так как к этому времени уже утек к Самозванцу.

Прошло четыре месяца с тех пор, как Лжедмитрий пересек русскую границу, и вот его поход закончен. Войска больше нет. Но одержав победу на поле боя, царские воеводы задачу свою не выполнили. Иезуиты Чижовский и Лавицкий, находившиеся в лагере Лжедмитрия, записали в своем дневнике: «Враг мог гнаться за нами, догнать, перебить и сжечь лагерь, но он остановился от нас, не дойдя мили, и не решился воспользоваться своей удачей»⁸.

Что стало причиной нерасторопности командования — предательство или бездарность, утверждать сегодня непросто. Однако Семен Никитич Годунов, ведавший политическим сыском, двойную игру опытного боярина открыл и распорядился его убить, но было поздно.

Победителям достались 12 знамен и штандартов и вся артиллерия — 30 пушек. Удалось захватить и несколько тысяч пленных. Всех пленных поляков увезли в Москву, а казаки и русские изменники были повешены. Князей среди повешенных не было.

С редкой жестокостью расправились с комарицкими бунтовщиками, отправив войска на карательную операцию. Высокородные воеводы, погрязшие в заговорах, готовые предать и династию, и интересы государства, с благородным негодованием истязали целые поселения за измену.

Поставив в Рыльске своего воеводу, перешедшего на его сторону князя Григория Борисовича Долгорукова-Рошу, Лжедмитрий побежал дальше — в Путивль.

Князь Ф. И. Мстиславский прибыл в окрестности Рыльска на другой день после бегства оттуда Отрепьева. В течение двух недель город бомбардировали, но штурм крепости не удался, и на другой день после приступа Мстиславский снял осаду и отсту-

⁷ По рукописи библиотеки Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел № 98/129.

⁸ А. (или П.?) Пирлинг. Дмитрий Самозванец. М., 1912. С. 171.

пил. Отход армии вызвал гнев царя, он направил в полки окольного П. Н. Шереметева и главного дьяка Афанасия Власьева с наказом сделать выговор воеводам: «...пенять и роспрашивать, для чего от Рыльска отошли».

Пока царские воеводы безуспешно осаждали Рыльск, отряд донских казаков из 600 человек во главе с атаманом Андреем Корелой заняли небольшую крепость Кромы в тылу у князя Ф. И. Мстиславского. Туда срочно были отправлены дворянские сотни.

Когда-то, во время своей поездки в Сечь, Самозванец просил запорожцев «насадить его на Путивле», теперь Путивль, единственный из северских городов, имевший каменную крепость, стал базой его войска. Там произошло то же самое, что ранее случилось в Чернигове. Воевода князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский был связан и приведен к «царевичу» и присягнул ему. В Разрядной книге, датированной 1604 годом, против имени дьяка Богдана Сутопова сделана помета: «Богдан послан з государевым денежным жалованьем в северские города»⁹. Казну Богдан Иванович вручил Лжедмитрию, за что получил чин думного дворянина, сделался главным дьяком — канцлером и хранителем царской печати.

После разгрома под Добрыничами Отрепьев хотел отказаться от борьбы и возвратиться в Польшу. Сил дать новое сражение у Самозванца больше нет. Однако получение государевой казны, прибытие четырех тысяч донских казаков, просьбы и, главное, решительные обещания путивлян убедили его остаться и продолжить предприятие. Жители города со слезами умоляли «царевича» не покидать их, говорили, что не желают разделить участь комаричей, их «лютые и горькие муки» за верность своему государю. Это Самозванца не трогало, тогда ему пригрозили арестом, чтобы Борису «добити челом, а тобою заплатити вину свою»¹⁰. Пришлось остаться.

Будучи в Путивле, Отрепьев старался разжечь конфликт между Россией и Польшей, он предпринимал отчаянные усилия, чтобы добиться вмешательства Речи Посполитой в русские дела. Но 10 января, еще до разгрома под Добрыничами, открылся Польский сейм, на котором канцлер Ян Замойский резко осудил авантюру Отрепьева и Мнишека и решительно высказался за сохранение мира с Россией. Литовский канцлер Лев Сапега во всем его поддержал, а воевода Януш Острожский еще и потребовал наказать виновных. Отправленный Лжедмитрием для переговоров с Сигизмундом III и членами сейма князь Иван Андреевич Татев был демонстративно задержан на границе.

Тем не менее на чью-то серьезную помощь он небезосновательно рассчитывал. Вот как описывает Р. Г. Скрынников времяпровождение проигравшего войну Самозванца: «После трапезы Отрепьев охотно проводил время в обществе польских „товарищей“ и капелланов. Чаще всего он обсуждал с ними две темы. Первой было невежество, праздность и беспутная жизнь русских монахов, о которых он не мог говорить без отвращения, второй — необходимость просвещения для русских»¹¹.

Как будто в томительном ожидании, причем отнюдь не осады города, претендент решил заняться науками. С утра час отводился для изучения философии, вечером наступала очередь грамматики и литературы. Страсть к знаниям проснулась 10 апреля, через три дня обучение прекратилось.

13 апреля в Кремле скоропостижно умер Борис Годунов. Не этого ли известия ждал в Путивле Лжедмитрий?

Около двух месяцев продолжалась осада Кром. Делались попытки «смутить» Орел, однако дети боярские и стрелецкая сотня наголову разгромили отряды повстанцев и подавили мятежников внутри города.

⁹ РИБ. Т. 13. Стб. 571, 724.

¹⁰ Там же. Стб. 35—36.

¹¹ Р. Г. Скрынников, Самозванцы... С. 113.

4 марта армия Мстиславского разбила лагерь в районе Кром, был отдан приказ подвозить осадную артиллерию. Под Кромами в бездействии стояла 80-тысячная армия. Предприняли штурм, окончившийся неудачей. Руководивший им боярин М. Г. Салтыков неожиданно подал сигнал к отступлению. Современники подозревали, что он «норовил окаянному вору», однако никаких официальных обвинений не предъявлялось. А должны бы были быть, тем более что дальше случились еще более удивительные события. Атаман Корела получил ранение и предупредил Лжедмитрия, что сдаст крепость, если не получит подкрепления в ближайшие дни. Помощь была оказана. Среди бела дня отряд донских казаков под командованием сына боярского Юрия Беззубцева проехал в крепость вместе с обозом продовольствия и оружия: «Пришел в Кромы из Путивля от Ростриги Юшко Беззубцов с путимцы на помощь кромских сидельцам».

В военных действиях наступило затишье, неопределенное ожидание.

Юрий Беззубцев был потомком внука Федора Кошки Константина Беззубца. Среди царских военачальников, осаждавших Кромы, вместе с Ф. И. Мстиславским были два Шереметевых: Петр Никитич и Федор Иванович, двоюродные братья, также потомки Константина Беззубца.

Федор Иванович, женатый на племяннице Филарета Романова Ирине Борисовне Черкасской, в 1601 году был отправлен в Тобольск по делу Романовых.

Петр Никитич был назначен Борисом Годуновым первым воеводой большого полка, стоявшего в Ливнах в 1604 году. Вместе с воеводой передового полка Михаилом Глебовичем Салтыковым они принимали там посланного с особым заданием к донским казакам Петра Лукича Хрущова. Во время застолья, по словам Хрущова, Петр Никитич сказал о предполагаемом вторжении Лжедмитрия: «...трудно против природного государя воевать». В таком заявлении нет ничего удивительного, если учесть, что женой Петра Никитича Шереметева была племянница Марии Нагой Марфа Ивановна Нагая.

П. Н. и Ф. И. Шереметевы, М. Г. Салтыков, И. В. и В. В. Голицыны, Ф. И. Мстиславский наблюдали за проездом в осаждаемую ими крепость свежего подкрепления. Измены историки не обнаруживают.

После этого вылазки осажденных прекратились. Царские воеводы также отказались от попыток возобновить штурм.

Вопрос, зачем армия осаждала Кромы, где не было Самозванца, в то время как в отношении Путивля, где без сколько-нибудь существенно военной поддержки находился Лжедмитрий, не предпринималось никаких действий, остается без ответа. В случае, если ответ: заговор, не принимается.

В беспокойном ожидании находился в Антониево-Сийском монастыре Федор Никитич Романов, в иночестве Филарет. Он ждал освобождения.

Его пристав Воейков постоянно отправляет царю отчеты о поднадзорном монахе. В дошедшем до нас тексте, отправленном в первых числах февраля, Воейков сообщал о разительной перемене в поведении подопечного. Ничуть не смирившийся со своей судьбой, лишь слегка притихший боярин в последнее время стал демонстративно пренебрегать монастырскими порядками. Монахи приходили к Воейкову с жалобами на Филарета: «бранит они их и бить хочет, и говорит им: „Увидите, каков я впредь буду!“» Старцы Иринарх и Леонид рассказали: «3 февраля ночью старец Филарет старца Иринарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел. А живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток...»¹²

¹² АИ. СПб., 1841. Т. II. № 54. С. 64–65.

Об этом рапорте писали все, кто касался этого периода. Счастливое настроение Филарета связывают с получением им известий о походе Самозванца. Стоит разобраться в этом факте подробнее.

Пребывая в Путивле, Лжедмитрий ведет обширную переписку и отлично осведомлен обо всем, что происходит в Кремле. Он пишет крымскому хану, польскому королю, казацким атаманам, будущему тестю, князю Вишневецкому и другим. А в Москву? Об этом ничего не известно. А должен бы писать, хотя бы тем, кто помогал ему отправиться в Польшу: игумену Пафнутию, дьяку Щелкалову, кому-то еще. Если инокиня Марфа (Ксения Ивановна Романова), его двоюродная сестра и «душа заговора», то, скорее всего, и ей.

Изоляция от мира иеромонаха Филарета весьма условна. У него свои корреспонденты, среди которых первая, естественно, жена.

За помощь и «почтовую» службу в царствование Михаила Федоровича благодарными Романовыми были выданы жалованные грамоты ныробским крестьянам, жителям Обонежской пятины и другим, всего награждены 17 человек.

Возможно, «прямым и доброхотствовал» и сам пристав Воейков. В письме Бориса Годунова игумену Антониево-Сийского монастыря он назван Богданом.

Случалось иногда, что имя Богдан использовалось как форма имени Иван, могло быть и два имени (Богдан — Иван). Тот ли это Воейков, что известен как Иван Васильевич Меньшой Воейков, сказать трудно. Однако пристава для своего главного врага Борис Годунов должен был выбирать очень тщательно, случайным этот человек быть не мог. Иван Васильевич Меньшой Воейков — дворянин, выдвинувшийся в опричнину, был фаворитом Бориса Годунова. В 1584 году по его приказу сопровождал в ссылку другого годуновского недруга — казначея Петра Ивановича Головина, дальнего родственника Филарета Романова. По некоторым источникам, Головин был убит по прибытии на место. В мае 1606 года Иван Васильевич Воейков участвовал в заговоре против Лжедмитрия. По одной из версий, он был вместе с сыном боярским Григорием Леонтьевичем Валуевым, стрелял в Самозванца и убил его.

Из монастыря в Москву почта шла недели две-три. 22 февраля отправлен царский ответ на сообщение пристава. Письма старицы Марфы идут, конечно, медленнее, но все же о переходе Самозванцем русской границы Филарет в феврале уже должен был знать, хотя бы по слухам. Безусловно, новость о появлении Самозванца на русской территории была приятна старцу, вдвойне приятна, если начинал сбываться, пусть и измененный, его собственный старый план. Однако проблемы, возникшие у Бориса Годунова, совсем необязательно должны были обернуться снятием опалы с Филарета. Пестрому войску Лжедмитрия еще надо было дойти от Моравска до Москвы.

Известия, полученные Филаретом в начале февраля, должны были касаться событий более поздних, чем переход границы войском Лжедмитрия. Но никаких боевых успехов больше не было. Новости скорее могли повергнуть в отчаяние, чем обрадовать. После разгрома под Новгородом-Северским дела у Самозванца шли все хуже, а сражение под Добрыничами его армию уничтожило. Значит, радость, охватившая инока, и его слова: «Увидите, каков я впредь буду!» — могут быть связаны только с сообщением об успешно развивающемся заговоре, целью которого было убийство Годуновых.

Но 3 февраля Борис Годунов жив, и скоропостижно скончается только 13 апреля. Знать о его кончине заранее мог лишь тот, кто ее готовил.

Филарет ждет. В это время игумен монастыря Иона из строгого стража становится его добрым слугой. Позже Филарет отблагодарит место своего заточения: Антониево-Сийский монастырь получит от него разрешение на выгодную коммерческую деятельность — беспошлинную продажу соли.

Многие историки до сих пор считают, что имело место случайное стечение обстоятельств, хотя сочетание своевременности и скоропостижности подозрительны уже сами по себе. К тому же главной задачей Лжедмитрия было именно убийство царя, и вот он мертв.

В описаниях обстоятельств смерти, дошедших до нас, наблюдаются некоторые расхождения. Причины также называются разные: естественные и противоестественные.

Автор «Хронографа» записал так: «Царю Борису вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь люта, и едва успе поновиться и постичи, и два часа в той же болезни и скончась»¹³.

В «Дневнике Марины Мнишек» сказано, что смерть «произошла при приеме датского посла. У Бориса закружилась голова, кровь пошла из уст, носа, глаз и ушей, он упал с трона и умер».

Н. М. Карамзин добавил красочные подробности: «...судил и рядил с вельможами в думе, принимал знатных иноземцев, обедал с ними в Золотой палате и, едва встав из-за стола, почувствовал дурноту: кровь хлынула у него из носу, ушей и рта; лилась рекою...»

Члены английского посольства описали последние часы жизни Бориса Годунова со слов его врачей. Доктора, присутствовавшие во время трапезы, убедившись, что все приготовленное благополучно съедено, удалились. После обеда прошло два часа, и царь почувствовал дурноту, сам перешел в спальню хоромы и сам лег в постель, велел созвать врачей.

Все свидетельствуют, что государь скончался, окруженный врачами и царедворцами.

Причиной скоропостижной смерти Н. М. Карамзин предполагает многие «недуги, особенно жестокою подагрой», и общее истощение телесных сил.

Пишут о слабом здоровье Бориса Годунова часто. В 1600 году, когда Романовы готовились к захвату власти, распространялись слухи не только о болезни, но даже и о смерти царя. Чтобы унять тревогу населения, Годунова на носилках отнесли в храм. Что это был за недуг, установить уже невозможно, однако известно, что после выздоровления он ходил, подволакивая ногу. Лечили его и европейские доктора, и народные знахари. В письме английской королеве Елизавете Годунов писал, что присланный ею в Москву врач излечил его от опасной болезни. Одновременно с заморским светилом пользовал царя крестьянин Гриша Меркурьев, привезенный из глухих северных погостов Заонежья. По случаю выздоровления царь в 1601 году выдал знахарю грамоту, освободив его деревню от всех податей на веки вечные. В семье знахаря сохранилось предание, что тот «зализывал раны на ноге Бориса»¹⁴.

Язвы на ногах могут возникнуть при различных заболеваниях, они приносят страдания, но интеллект при этом не затронут. Плохое здоровье главы государства или наследника престола — самые лакомые темы для оппозиции. Кривотолки 1605 года дошли до нашего времени. Р. Г. Скрынников заметил: «Физические и умственные силы его быстро угасали». Можно прочесть письма Бориса Годунова составленные в конце царствования, чтобы убедиться в ясности его ума, дальновидности и проницательности. Писали англичане о появившейся у него болезненной подозрительности и мелочности, он лично осматривал «заперты ли и запечатаны ли входы в дворцовые погреба и в кладовые для съестных припасов. <...> Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скардность в мелочах...» Борис Годунов подсылал отравителей в лагерь Лжедмитрия и совершенно естественно опасался, как показало будущее, не напрасно яда на собственном столе. Разумная предумо-

¹³ ПСРЛ. Т. 14. С. 63.

¹⁴ Карелия: Сб. документов. Петрозаводск, 1948. С. 15; Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858 г. СПб., 1858. С. 205–206.

трительность, а вовсе не излишняя мнительность видна в поведении царя в последние дни.

Что же касается физической формы, то ни у кого нет сомнений: смерть была скоропостижной, а не наступила в результате продолжительной болезни.

Французский солдат-наемник Жак Маржарет, прославивший свое имя мемуарами и многочисленными предательствами, выступил еще и в роли диагноста, засвидетельствовав, что причиной смерти Бориса Годунова явился апоплексический удар.

Большинство же современников склонялось к версии отравления. Здесь, однако, тоже не было единства. Говорили о заговорщиках. Но широко распространялись по Москве слухи, как будто бы царь сам принял яд. Версия о самоубийстве обвиняла Годунова в грехе и отводила подозрения от тех, кому его смерть была выгодна. Интересно, что слухи исключали возможность естественной кончины. Такое могло случиться лишь в том случае, если предсмертные симптомы однозначно указывали на отравление. Что и порождало толки. Но если применение яда скрыть не удавалось, следовательно, надо было перевести стрелки, скорректировать фигуру отравителя.

Изящнее всех указала на виновника Марина Мнишек: «Господь Бог наказал Бориса».

Внезапная смерть главы государства — большое потрясение для страны. В обстоятельствах, сложившихся в Москве весной 1605 года, можно было ждать серьезной дестабилизации, но этого не произошло. Федор Борисович Годунов был не просто законным наследником, но и «сопровителем» отца. Все дипломатические переговоры проходили в его присутствии, посольские подарки ему вручались наравне с Борисом Годуновым. Он принимал участие в работе Боярской думы, был образован и сведущ во всех царских начинаниях. Ему исполнилось 16 лет, и не было никаких препятствий для принятия царства.

Борису Годунову не требовалось оставлять завещания, поэтому особенно важны его последние слова, как они передаются различными источниками.

Летописец передает, что у царя отнялся язык и монахи лишь «успели запасными дарами причастить» умирающего¹⁵.

То есть Борис Годунов ничего перед смертью сказать не успел.

Создатель «Истории государства Российского» кое-что добавил: «...кровь хлынула у него из носу, ушей и рта; лилась рекою, врачи, столь им любимые, не могли остановить ее. Он терял память, но успел благословить сына на государство Российское...» Придворный историк не мог оставить наследника без благословения, впрочем, у Карамзина было много источников.

Иностранцы лекари, весьма возможно, сыгравшие более значительную роль в трагедии династии Годуновых, чем принято считать, уведомили английских дипломатов, что собравшиеся в спальне бояре спросили государя, не желает ли он, чтобы Дума в его присутствии присягнула наследнику. Умирающий, дрожа всем телом, успел промолвить: «Как Богу угодно и всему народу»¹⁶. Вслед за тем у него отнялся язык.

В книге английского посланника Томаса Смита в несколько художественной форме утверждается, что Борис Годунов отказался передать трон сыну, намекнув на возможность проведения новых выборов. Английская дипломатия имела большие интересы в России, а московские англоманы Федор Никитич Романов и его двоюродные братья Голицыны еще долго будут биться за шапку Мономаха, выдвигая свои кандидатуры. Князя В. В. Голицына некоторые источники называли информатором английского двора. Книга Томаса Смита издана в Лондоне в 1605 году.

Царь Борис Федорович Годунов умер в возрасте 53 лет. Смерть наступила в результате отравления, однако добросовестный Н. М. Карамзин согласиться с версией само-

¹⁵ ПСРЛ. М. Т. 34. С. 56.

¹⁶ Т. Смит. Путешествие... С. 56.

убийства не может. «Молчание современников, — с сожалением пишет историк, — подобно непроницаемой завесе, скрыло подробные обстоятельства смерти царя. <...> Уверяют, что Годунов был самоубийцею, в отчаянии лишив себя жизни ядом; но обстоятельства и род его смерти подтверждают ли истину сего известия? И сей нежный отец семейства, сей человек, сильный духом, мог ли, спасаясь ядом от бедствия, малодушно оставить жену и детей на гибель почти несомнительную? И торжество самозванца [Лжедмитрия] было ли верно, когда войско еще не изменяло царю делом; еще стояло, хоть и без усердия, под его знаменами? Только смерть Бориса решила успех обмана; только изменники, явные и тайные, могли желать, могли ускорить ее...»

Действительно, центр остается верен правящей династии, стрельцы и дворяне в основном остаются верными присяге и имеют возможности для успешного противодействия авантюре Лжедмитрия. Победа не заставила бы себя ждать, если бы не запятнали себя предательством князь и воеводы. Изменив царю и Отечеству, они продемонстрировали неколебимую верность своим сословным интересам.

Именно они организаторы и виновники Смуты. Заманчивая перспектива убрать династию Годуновых чужими руками, признав Лжедмитрия, сулила выгоды, давала надежды самим получить царский трон. Власть Самозванца слаба и недолговечна, его можно легко разоблачить и свергнуть, назначив новые выборы из лучших людей. Во главе заговора стояли князь Голицыны, князь Мстиславский, горячо одобряемые всем романовским кланом и, конечно же, самим Филаретом.

Сохранились сообщения о том, что глава сыскального ведомства Семен Никитич Годунов настаивал на казни заподозренных в измене руководителей Боярской думы. Ничего удивительного в этом не было. Лояльность Рюриковичей и Гедиминовичей была весьма зыбкой, но других бояр у Бориса Годунова не было.

Сам состав Боярской думы — это наглядная иллюстрация соотношений родовых кланов. Весной 1605 года в Боярскую думу входили бояре:

1) князь Федор Иванович Мстиславский (племянник мачехи Филарета Романова и дальний родственник его матери; родной дядя Ивану Ивановичу Голицыну; двоюродный дядя братьям Голицыным: Ивану, Андрею, Василию Васильевичам; свояк Шереметеву П. Н. — женаты на родных сестрах Нагих: Пелагее и Марфе, племянницах Марии Нагой);

2) князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский (при царе Дмитриии Иоанновиче стал свекром дочери Филарета Романова, Татьяны Федоровны);

3) князь Василий Иванович Шуйский;

4) князь Дмитрий Иванович Шуйский;

5) князь Иван Иванович Голицын (племянник Ф. И. Мстиславского; шурина умершего в ссылке Александра Никитича Романова, брата Филарета, входил в ближний круг Филарета, был одним из близких друзей английского дипломата Джерома Горсея);

6) князь Василий Васильевич Голицын (двоюродный брат Евдокии Ивановны Голицыной, жены младшего брата Филарета — Александра; двоюродный племянник Филарета; племянник сестры Федора Ивановича Мстиславского; деверь двух дочерей окольничего Василия Петровича Морозова);

7) князь Андрей Петрович Куракин (троюродный дядя князя Ивана Ивановича Голицына и Евдокии Ивановны Голицыной, снохи Филарета);

8) князь Петр Иванович Буйносов-Ростовский;

9) Степан Александрович Волошский;

10) князь Василий Казы Карданукович Черкасский (зять князя Федора Ивановича Мстиславского, женат на его сестре Анастасии Ивановне Мстиславской; племянник умершего в ссылке (по делу Романовых) князя Бориса Камбулатовича Черкасского, женатого на сестре Филарета Романова Марфе Никитичне. В «благодатном» доме

князя Бориса Черкасского часто бывал и «честь приобретал» Юшка Отрепьев; двоюродный брат князя Ивана Борисовича Черкасского, женатого на дочери окольного Василия Петровича Морозова, Евдокии Васильевне);

- 11) князь Никита Романович Трубецкой;
- 12) князь Андрей Васильевич Трубецкой;
- 13) князь Федор Иванович Хворостинин-Ярославский;
- 14) князь Андрей Андреевич Телятевский;
- 15) Михаил Глебович Салтыков (троюродный брат окольного Михаила Михайловича Салтыкова);
- 16) Степан Васильевич Годунов;
- 17) Семен Никитич Годунов;
- 18) Матвей Михайлович Годунов;
- 19) Петр Федорович Басманов (боярин за оборону Новгорода-Северского, двоюродный племянник Филарета);
- 20) Иван Михайлович Воротынский.

Окольные:

1) Михаил Михайлович Кривой-Салтыков (свояк Филарета, женат на Екатерине Ивановне Шестовой, родной сестре жены Филарета — Ксении Ивановне Шестовой, если их мать, Мария Ивановна Шестова, в девичестве Отрепьева, то, возможно, обе сестры — двоюродные сестры Лжедмитрия, а сам М. М. Шестов его свояк);

- 2) князь Василий Петрович Туренин-Оболенский;
- 3) князь Иван Дмитриевич Хворостинин;
- 4) Никита Васильевич Годунов;
- 5) Яков Михайлович Годунов;
- 6) Степан Степанович Годунов;
- 7) Иван Иванович Годунов — 1 октября 1602 года из кравчих;
- 8) Василий Петрович Морозов — в 1601 году (две его дочери — невестки боярина князя Василия Васильевича Голицына; третья замужем за племянником Филарета — Иваном Борисовичем Черкасским);
- 9) Михаил Борисович Шеин;

10) Петр Никитич Шереметев — 1 октября 1602 года (женат на Марфе Ивановне Нагой, свояк Ф. И. Мстиславского, женатого на Прасковье Ивановне Нагой, племяннице Марии Нагой).

На политических предпочтениях не могли не сказываться, кроме сословных интересов, родственные связи участников событий.

Глава Боярской думы (глава войска) князь Федор Иванович Мстиславский (Гедиминович), родственник матери Филарета Романова Варвары Ивановны Ховриной и племянник его мачехи Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской.

Матерью Федора Ивановича Мстиславского была Ирина Александровна Горбатая-Шуйская, дочь Анастасии Петровны Головиной, внучка казначея Петра Ивановича Головина, предположительно удушенного приставом Воейковым. Тем самым, что весной 1606 года присматривал в Антониево-Сийском монастыре за иноком Филаретом.

Дочь двоюродного брата Петра Ивановича Головина была мать Федора Никитича Романова — Варвара Ивановна Ховрина.

Вкладная и кормовая книга московского Симонова монастыря свидетельствует о прочных и глубоких родовых связях семей Романовых и Мстиславских через родство с Ховриными — Головиными.

С XV века московский Симонов монастырь стал родовым некрополем Ховриных — Головиных. Семейная легенда Головиных связывает именование монастыря с основателем рода крымским князем Стефаном, принявшим постриг с именем Симеон.

Со второй половины XVI века в Симонове монастыре появляется некрополь князей Мстиславских. Туда было перезахоронено тело князя Ф. М. Мстиславского, деда князя Федора Ивановича, и тело скончавшегося в ссылке в Кирилло-Белозерском монастыре, насильно постриженного в монашество его отца, князя Ивана Федоровича Мстиславского. Князья Иван Федорович и Федор Иванович дали в монастырь вклады на сумму более 1250 руб. Помимо этой сопоставимой по размеру только с царскими вкладами суммы монастырю были переданы земельные вотчины Мстиславских в Ярославском уезде. Общие затраты князя Ф. И. Мстиславского на строительство и украшение церкви Богородицы Одигитрии в Симонове монастыре составили более 1848 руб. В ответ на такие значительные вклады монастырь принял на себя обязательства неукоснительно соблюдать условия поминального договора: «И мне, архимандриту Левкею, с братиею... за ту князя Феодора Ивановича дачю... в церкви Пречистые Богородицы Одигитрия вино, и просфиры, и свечи, и ладан, а на памяти их помянуть кутьи, и кануны, и свечи ставить безпереводно. А которые образы, и ризы, и книги, и всякое церковное строение в церкви Пречистые Богородицы Одигитрия обещает или порушится церковь, и нам то обновляти, и церкви без службы не быти, дондеже и мир вселенной и святая обитель стоит».

Третья часть кормовой книги представляет собой семейный помянник князей Мстиславских. По большинству представителей рода Мстиславских совершалось два корма, очевидно, в День ангела и в день кончины.

Два корма совершались по матери князя Федора Ивановича, княгине Ирине Александровне (Горбатой-Шуйской). Поминанию двух его сестер были отведены специальные мемориальные дни. Сведения вкладной книги позволяют установить, что одна из них, Ирина Ивановна, была замужем за князем Иваном Юрьевичем Голицыным. Их дочь Евдокия Ивановна была женой своего двоюродного дяди Александра Никитича Романова, брата Филарета, погибшего в ссылке. В 1771 году Симонов монастырь был упразднен по указу Екатерины II.

Тяжелые минуты пришлось пережить в юности обоим Федорам — Романову и Мстиславскому, когда опале был подвергнут влиятельный деятель Боярской думы, подлинный покоритель Казани суздальский князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Он находился в родстве с царской семьей. Зятьями Горбатого были троюродный брат царя И. Ф. Мстиславский и царский шурина Н. Р. Юрьев-Захарьин. Иван IV объявил, что главным государственным преступником, царским изменником является князь А. Б. Горбатый-Шуйский. Он был казнен в самый день объявления без всякого следствия. А. М. Курбский оставил описание расправы с князем, которая отличалась крайней жестокостью. К месту казни А. Б. Горбатый-Шуйский был доставлен вместе с 17-летним сыном Петром. Юноша первым положил голову на плаху. Однако отец не хотел видеть гибель сына и, отстранив юношу, сам лег под топор. Петр поцеловал отрубленную голову отца, после чего сам принял смерть. Отрубленные головы были брошены во двор князя Ивана Федоровича Мстиславского. Род князей Горбатовых пресекся.

Тогда же при учреждении опричнины сильно пострадал и знатный род Головиных. Окольничий П. П. Головин, доводившийся тестем князю Горбатову, прадедом Ф. И. Мстиславскому, после трех лет ссылки, в феврале 1565 года был убит опричниками.

13 января 1565 года царь прислал митрополиту Афанасию отреченную грамоту для чтения в Боярской думе. В грамоте государь перечислял все боярские беззакония и измены, все притеснения, которым он подвергался от вельмож с самого детства, и жаловался, что митрополит и духовенство мешают ему расправляться с виновными. Сре-

ди лиц, которым объявлялась опала, специально был выделен дворецкий Никита Романович Юрьев-Захарьин. Благодаря первому браку он породнился с семьей Головиных, вторым браком был женат на дочери князя А. Б. Горбатого.

Позже в связи с розыском о новой боярской измене были арестованы многие воеводы, и в их числе князь Иван Федорович Мстиславский, ранее пользовавшийся большим доверием Ивана Грозного. Английский посол Д. Горсей писал, что русские летописи содержались в тайне главным советником страны и главой Думы князем И. Ф. Мстиславским. После разорения Москвы ханом Гиреем И. Ф. Мстиславский признал себя виновным в сожжении города татарами, что лишило его авторитета в стране, однако наказание не было суровым. Он покинул столицу, став наместником в Новгороде, но не потерял места главы земской думы. Обвинения в государственной измене не повлекли за собой и конфискации родового удела князя. В 1582 году князь И. Ф. Мстиславский крестил последнего сына Ивана IV — Дмитрия. В 1586 году князь И. Ф. Мстиславский оказался среди заговорщиков, требовавших от царя Федора Иоанновича удалить супругу в монастырь и жениться вновь. Однако в ссылку и монастыри отправились сами возмутители спокойствия. Князя Ивана Федоровича Мстиславского сослали в Кирилло-Белозерский монастырь, где его постригли в монахи и где он в том же году умер.

Заговор против царицы Ирины Федоровны Годуновой одновременно был и против Бориса Федоровича Годунова.

Во главе армии, стоявшей под Кромами весной 1605 года, защищавшей династию Годуновых, стоял князь Федор Иванович Мстиславский.

Несмотря на то, что, одержав победу под Добрыничами, закрепить ее пленением Самозванца воеводы не смогли, Борис Годунов наградил наиболее отличившихся воинов. Для чествования в Москву были отозваны Н. Р. Трубецкой и П. Ф. Басманов — герои обороны Новгорода-Северского.

Внук одного из основателей и предводителей опричнины, главы опричной думы Алексея Даниловича Басманова-Плещеева, казненного Иваном Грозным, сын Федора Алексеевича Басманова, любимца царя, Петр Федорович Басманов по отцовской линии был потомком Федора Кошки. Матерью его была Варвара Васильевна Сицкая, а бабушкой по материнской линии Анна Романовна Захарьина, сестра царицы Анастасии и отца Филарета, Никиты Романовича Захарьина, предком которых также был Федор Кошка. Царская племянница была завидной невестой.

Сохранился документ, без которого не совершались боярские свадьбы.

Роспись приданого за дочь княж Василия Андреевича Сицкого, девицею Варварою Васильевной Сицкой.

Божие благословение: иконостас резной вызолоченный, образ Спаса Нерукотворенна, оклад басма серебряна вызолочена, по углам в репях лалы и зерна бурмицкие, винограды с бирюзками и пятью змрагдами мутного камня.

Образ чудотворца Николы-угодника, цареградское письмо, оклад серебрян, цата к нему золота с чернью да со адаманты искорки да со десятию яхонты червчаты гранены.

Образ св. Варвары-великомученицы цареградское письмо, а оклад золотой, осыпан жемчуги крупные, мало побусели, и венисы вельми велики.

Ко всем образам ризы серебряны, шиты канителью золотой, кисти золотые ж, к ним лампы серебряная да золотая на чеши серебряной и на чеши золотой кованой.

В шкатуле киноварью и разные краски писаной, дерево черно с позолотами, углы серебром окованы, франкское дело:

Десять перстней золотых.

Перстень злат со адаманты и лал червчат велик да чист.

Перстень злат со яхонты лазоревы и адаманты.

Перстень злат с жемчуги бурмицким.

Перстень злат со червчаты кораллы, морской камень.

Перстень злат с бирюзой великой.

Серьги с жемчугами и адамантами долгие, златы с чернью.

Серьги златы, восемь червчатых лалов в поднизь.

Серьги златы, восемь яхонтов лазоревых.

Чепи три златы со кресты. Чепочка злата звончата, образок злат Варвары-великомученицы. Чепи три серебряны со привески.

Зарукавья златы с привесками двое, зарукавья серебряны с камнем бирюзками да кованые с сафиром трое, фряжское дело.

Волосник низан окатным жемчугом и со яхонты искорки.

Серебром приданого три ста рублев.

Еще рухледи в приданое:

Шуба артабас, мех соболь сибирский, пугвицы златы.

Шуба соболь крыга под камкой венецейской, пугвицы и кружево злато.

Шуба лисицы красны под мисюрской камкой, зеленая, пугвицы серебро и морской камень коралл.

Шуба лисицы черно-буры под рыты бархаты венецейские, червлена, пугвицы серебряны, опушка горностаи.

Рукав алтабасный, бобровый пух щипан, по золотной земле травы да крины серебряны, а запоны алмазны две.

Платье, шапки, рукавицы, сапожки, ичиги, атласом крыты, башмаки сафьяновы алы, платы, постеля, одеяло соболье, утварь серебряна — иное што не можно исчислить, а смотри списки по росписи.

Защиту трона Борис Годунов вынужден был доверить двоюродному племяннику Федора Иоанновича и Филарета Романова, который, без сомнений, был отлично осведомлен о заговоре Романовых в 1600 году и не мог не знать Григория Отрепьева, чьи малочисленные отряды противостояли царской армии под Кромами.

Овдовев вскоре после 1571 года, Варвара Васильевна выходит замуж за князя Василия Юрьевича Голицына, брата Ивана Юрьевича Голицына, шурина Федора Ивановича Мстиславского. У Петра Федоровича Басманова появляется три сводных брата: Иван Васильевич, Андрей Васильевич и Василий Васильевич Голицыны. Первые два женаты на сестрах Поплевиных-Морозовых, дочерях окольного Василия Петровича Морозова.

Третья дочь Морозова, Евдокия Васильевна, была женой князя Ивана Борисовича Черкасского, осужденного вместе с родителями по делу Романовых. Ссылку князь Черкасский отбывал вместе с Иваном Никитичем Романовым, братом Филарета. Предки Шестовых также являлись однородцами Морозовых.

Род Голицыных, потомков литовского князя Гедимина, хоть и находился на службе у московских князей около двухсот лет, честолюбивые помыслы о возможности занять трон либо существенно ослабить царскую власть не оставлял. Превосходившие по знатности главу Боярской думы Ф. И. Мстиславского Голицыны не только являлись активными участниками династических переворотов начала XVII века, но и отметились практически во всех смутах русской истории.

Князя Голицыны первыми покинули ряды сторонников династии Годуновых.

Под Кромами находились князя Иван Васильевич и Василий Васильевич. Появление Лжедмитрия было использовано ими в своих интересах. Предав Годуновых, оба брата перешли на сторону Самозванца. Князь Василий Васильевич Голицын руководил убийством Федора Годунова. Через год они участвовали в заговоре против царя Дми-

трия Иоанновича в пользу князя Василия Ивановича Шуйского, приняв затем участие в его низложении. После чего партия Голицыных рассчитывала провозгласить новую династию, однако вместо Кремля Василий Васильевич оказался в польском плену вместе с Филаретом Романовым, где, по одним сведениям, умер, по другим — был отравлен Филаретом, своим двоюродным дядей, во время совместного возвращения на родину.

Заговорщикам требовались тесные связи со сторонниками в Москве и Путивле. Установить их не составляло труда, учитывая, что и там и там находились родственники.

В воровскую Думу Самозванца вошли князья Рюриковичи Борис Петрович Татев и Борис Михайлович Лыков-Оболенский.

Князь Борис Петрович Татев был женат на сестре князя Бориса Михайловича Лыкова Марии Михайловне, а князь Лыков — на сестре Филарета Романова Анастасии Никитичне.

В Москве родичей находилось гораздо больше, к тому же не следует забывать о бытовых традициях. При дворе царицы была почетная должность — приезжая боярыня. По большим праздникам — в дни царских именин, на родине, крестины, свадьбы, поминки — у царицы устраивался торжественный прием с обедом, куда и приглашались приезжие боярыни. Получить такое приглашение могли только родственницы по рождению или мужьям: жены, матери, вдовы, сестры, дочери. Степенью родственной близости определялось место за столом. Например, за столом царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой по родственному старшинству с царем первое место занимала боярыня Ульяна Федоровна Романова, жена боярина Ивана Никитича Романова, царского родного дяди, княгиня Черкасская занимала второе место, боярыня Шереметева — третье, а мать царицы только седьмое.

Подобные встречи проходили во всех знатных и богатых домах. В поводах для них недостатка не было, а беседы проходили по-родственному доверительно. Военные успехи и неудачи, надо думать, обсуждались особенно живо, ведь дело касалось каждой семьи.

О «кондициях», предложенных изменниками Самозванцу, пишет Р. Г. Скрынников: «Переговоры между советниками самозванца и заговорщиками под Кромами были окружены глубочайшей тайной. Но некоторые подробности, все же, стали известны в Польше. Некто Петр Арсудий, подвизавшийся в Польше в качестве доверенного лица Ватикана по делам восточной церкви, получил подробные сведения о секретных переговорах „царевича“ с боярами от виленского епископа Войны. <...> епископ имел возможность получать доверительную информацию от лиц, окружавших «царевича». По словам епископа, заговорщики обещали „истинному“ Дмитрию престол на следующих условиях: православная вера остается нерушимой, самодержавная власть сохраняется, и „Дмитрий“ будет пользоваться теми же правами, что и Иван IV; царь не будет жаловать боярского чина иноземцам и не назначит их в Боярскую думу, но волен принимать иноземцев на службу ко двору и даст им право приобретать земли и другую собственность в Русском государстве; принятые на службу иноземцы могут строить себе костелы на русской земле¹⁷.

То, что соглашение учитывало интересы всех сторон, говорит о совместной работе польских советников «царевича», членов «воровской» Думы и московских воевод, стоявших во главе войска под Кромами.

19 апреля прибывший под Кромы Петр Федорович Басманов привел полки к присяге Федору Годунову. Одновременно в лагере начались охота и расправа с приверженцами Лжедмитрия, и в том и в другом Басманов был признанным умельцем. Однако карать братьев и главного воеводу Петр Федорович не спешил. Введенный в курс последних событий, он примкнул к изменникам, оставалось лишь как-нибудь благовид-

¹⁷ Р. Г. Скрынников. Самозванцы... С. 130.

но обставить свое предательство. Удобный, на взгляд новоиспеченного боярина, случай представился, когда в полки была прислана новая разрядная роспись.

Первым воеводой сторожевого полка был назначен человек, которому, безусловно, могли доверять Годуновы, зять Семена Никитича Годунова князь Андрей Андреевич Телятевский. В присутствии всех военачальников Петр Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евялял и бил челом бояром и воеводам всем: „Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма был дважды больни деда князя Ондreeва... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи, князю Ондreeу Телятевскому, и я не хочю жив быти, смерть прииму лутче тово позору“». Вчерашний преследователь изменников превратился в их горячего сторонника.

Утром 7 мая начался открытый мятеж. Лагерь подожгли в нескольких местах, началась паника, никто «не мог уразуметь, как и каким образом это случилось, и не знали, кто враг и кто друг, и метались, подобно пыли, ветром вздымаемой». К изменникам присоединился атаман Корела с донскими и путивльскими казаками. Многие посчитали разумным как можно быстрее покинуть лагерь.

Верными присяге осталась большая часть дворянского ополчения и воеводы М. П. Катырев-Ростовский, А. А. Телятевский, И. И. Годунов, но они отступили, не начав сражения. Готовыми к отпору мятежникам были и иноземцы-наемники под командованием капитана Вальтера фон Розена, однако и они не предприняли никаких действий. Петр Басманов прислал свой шишак со значками и потребовал, чтобы капитан присягнул «законному» государю.

Несмотря на успешное для заговорщиков развитие событий, не были забыты и пути отхода: князь Василий Васильевич Голицын не участвовал в операции, он велел слугам связать себя, чтобы иметь возможность оправдаться в случае провала, и в безопасном месте дожидался исхода дела. Совсем скоро князь Василий Васильевич Голицын будет принимать участие в убийстве царя Федора Годунова и вдовствующей царицы Марии Григорьевны Годуновой.

Встречающееся практически во всех произведениях, посвященных Смуте, упоминаемое эпизода, когда простонародье хватается воевод, связывает их и передает Самозванцу, скорее похоже на устойчивый художественный элемент, чем на описание реальных событий. Или это шаблонный способ перехода воеводами на сторону Лжедмитрия. Их не калечат, а благополучно доставляют в ставку, где аккуратно развязывают. Затем они, подчиняясь обстоятельствам, присягают «законному царевичу», получают награды и направляются на новое место службы, сопровождаемые своими недавними конвоирами, ставшими вновь покорными и послушными слугами.

Так сдал Путивль воевода князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский. Он был связан горожанами, а когда развязали, сразу же получил боярство. Затем отправился в Москву расправляться с царской семьей.

Города не сдавались, их сдавали. Чернигов, например, сдали князя Иван Андреевич и Борис Петрович Татевы, Петр Михайлович Шаховской.

Зять Филарета Романова князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский писал, что воеводы эти были «крепкими поборниками» правды, но подлые жители города их схватили, связали и предали в руки мнимого царевича.

Поход не выигравшего ни одного сражения Лжедмитрия больше похож на приграничный конфликт. В результате правления Ивана IV территория государства составила около 5,4 млн км², что сопоставимо с территорией Евросоюза на 2015 год — 4 324 782 км². События развивались в треугольнике Новгород-Северский—Кромы—Путивль, площадь его приблизительно 13 052 км².

12 мая к Лжедмитрию с вестью о победе прибыл князь Иван Васильевич Голицын в сопровождении «всяких чинов людей». В ответ Самозванец послал в русский лагерь князя Бориса Михайловича Лыкова, который привел к присяге полки и объявил указ «царя Дмитрия» о роспуске войска. Обо всех событиях оперативно сообщалось в Москву. Петр Федорович Басманов и Михаил Глебович Салтыков, имея при себе 200 дворян, присоединились к Лжедмитрию по выходе его из Путивля, а Федор Иванович Шереметев, орловский воевода, женатый на племяннице Филарета Ирине Борисовне Черкасской, и князь Василий Васильевич Голицын встречали «Дмитрия» под Орлом хлебом-солью и колокольным звоном. Ф. И. Шереметев тут же получил чин боярина.

Никто не был обманут. Все эти люди должны были встречаться с Отрепьевым, лично его зная. Именно они являлись теми носителями Смуты, без которых она не могла бы состояться. Никаких причин для предательства, кроме корыстных, у них не было.

В этом ряду красноречива история Ивана Романовича Безобразова, плененного под Новгородом-Северским. Узнать «истинного государя» ему было нетрудно. Р. Г. Скрытников пишет: «Со слов И. Р. Безобразова поляк Я. Собеский записал в своем дневнике следующее: „Дом отца и деда Отрепьева был в Москве рядом с домом Безобразова: об этом говорил сам Безобразов. Ежедневно Гришка ходил в дом Безобразова, и всегда они вместе играли в детские игры, и так они вместе росли“». Старое знакомство пришлось кстати и способствовало карьере.

Упорно не соглашался приносить присягу Лжедмитрию окольный Салтыков (Кривой) Михаил Михайлович, служивший в Путивле. Его привели к Самозванцу на веревке, которая была привязана к бороде Салтыкова. Окольный был женат на Екатерине Ивановне Шестовой, сестре Ксении Ивановны, жены Филарета. И если, что весьма вероятно, его теща Мария Ивановна Шестова в девичестве была Отрепьевой, то целовать крест Григорию Отрепьеву он мог отказываться по глубоко личным мотивам. Серьезных последствий, однако, эта строптивость не имела.

Лжедмитрий неизменно проявлял милосердие к пленным. В связи с этим привлекает внимание судьба Петра Лукича Хрущова, казненного в Путивле в 1605 году, тем более что он-то признал истинность сына Ивана Грозного чуть ли не в первый день плена.

В Российском государственном архиве древних актов находятся подлинники допросных речей П. Л. Хрущова, переведенные с польского языка в XIX веке.

Лист 3

1604 года сентября 3 дня: Приехали к царевичю послы от донских казаков, объявляя так, как и прежде сего, что войско их в готовности и подданстве царевичю яко природному государю обретается. Во свидетелство того, от товарищей своих и от неволника Хрущова Петра, знатного дворянина Борисова, царевичю отдали, которой Хрущов к ним от Бориса прислан был. Тот неволник признал то потом пред всем рыцарством, как ему сказано, что к царевичю.

Лист 3 оборот.

его ведут, не верил (понеже о смерти его известен был). А как к царевичю приведен был, и увидя лице его, сказал, что он собственному отеческому лицу подобен. И тако в кандалах приведенной, пал лицом до земли пред царевичем с пролитием великих слез, признавая, что он природный московской монархии государь и в неведении себя и прочих извиняя...

Обстоятельства гибели П. Л. Хрущова остались неизвестны, а судьба некоторых его потомков делает эту загадку особенно увлекательной.

Андрею Федоровичу Хрущову, советнику Адмиралтейской коллегии, обвиненному по делу кабинет-министра А. П. Волынского (намерение произвести государственный переворот в пользу Елизаветы Петровны), 27 июня 1740 года отрубили голову.

К смертной казни за попытку дворцового переворота (в пользу Иоанна Антоновича) в октябре 1762 года был приговорен Петр Федорович Хрущов, поручик лейб-гвардии Измайловского полка. В следственном деле есть и упоминание князя Ивана Федоровича Голицына. Екатерина II заменила казнь на публичное шельмование, лишение чинов и дворянства и вечную ссылку.

Можно сказать, что трое Хрущовых настолько близко к сердцу принимали дела русского трона, что готовы были жертвовать жизнью ради успеха того или иного самодержца. Интересные совпадения этим не исчерпываются. Семье Петра Федоровича Хрущова принадлежало село Калиновка Дмитриевского уезда. Этот факт послужил основанием для легенды о родственных связях Никиты Сергеевича Хрущева с этим старинным родом, так как он родился как раз в этом селе. Отсутствие каких бы то ни было официальных сведений о родственниках отца Первого секретаря ЦК КПСС, утрата места захоронения его отца, умершего в Москве в 1938 году, превращают легенду в весьма плодотворную гипотезу.

Борис Годунов умер внезапно.

Однако это не означало, что Федор Борисович был не готов принять бразды правления государством. С девяти лет он имел собственную государственную печать, заседал в Боярской думе, принимал иностранных послов. Борис Годунов сделал сына соправителем и приказал именовать его государем, царевичем «всея Руси». Федору Борисовичу с детства оказывались царские почести, от его имени отправлялись дипломатические подарки. Он принимал участие в судебной и благотворительной деятельности отца. Превосходно образованный Федор Годунов, по словам Н. М. Карамзина, «готовился отцом в просвещенные государи». Им была составлена одна из первых собственно русских карт России. Эта карта была издана в 1613 году в Амстердаме по рукописи. Историк картографии Л. Багров считает, что карта была выполнена царевичем в качестве учебного задания и могла попасть на Запад после разгрома дома Годуновых в 1605 году, по видимому, ее привез в Голландию Исаак Масса.

Зять Филарета Романова, князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский писал о Федоре Годунове: «...в ответах дивен и сладкоречив велми; пустотное и гнилое слово никогда из его уст не исхождало; о вере же и о поучении книжном со усердием прилежаше». И о нем самом не доносит нам история ни одного «гнилого» слова.

Через три дня после смерти отца, 16 апреля, бояре и духовенство нарекли Федора Борисовича на царство. Бояре, дворяне, купцы и простой народ были приведены к присяге в Кремле. Без всяких осложнений присяга прошла в городах Замосковья, Поморья, Сибири. Новгород, Псков, Казань и Астрахань присягнули в полном согласии с Москвой. Имена присягнувших записывались в особые книги, которые без промедления присылались в столицу. Целовальные (шертные) записи на верность новому государю дали служащие иноземцы.

Маловероятно, что успели начать чеканку новых монет, но, возможно, пытались это сделать. Во всяком случае, в декабре 1960 года в Московской области при строительстве дома нашли кубышку с 1683 монетами. Клад поступил в ГИМ (№ 97318). В составе клада, датированного 1606–1607 годами, находились и монеты Федора Годунова.

На сайте Счетной палаты утверждается, что в тревожные дни царствования Федора Годунова им был утвержден Каменный приказ, который ведал «каменным делом всего Московского государства, включающего в себя обязательную повинность насе-

ления со всеми мастерами каменных дел, известковыми и кирпичными заводами в Москве. Приказу были подведомственны доходы городов, где белый камень добывался».

Федору Годунову требовалась поддержка Боярской думы, и в Москву из действующей армии царь вызвал ее руководителей — князя Ф. И. Мстиславского и князей Шуйских: Василия Ивановича и Дмитрия Ивановича. В это время перелетные настроения все больше охватывали хорошо информированную московскую знать. Прибывший из-под Кром князь Ф. И. Мстиславский вел себя столь двусмысленно, что Семен Никитич Годунов, управлявший сыскными делами, отдал приказ о его тайной казни, который, однако, не был исполнен.

Было объявлено традиционное прощение преступников и опальных. Этим воспользовались противники Годуновых, организовав народное волнение. Исаак Масса стал очевидцем: «...народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко дворцу, крича о знатных боярах, бывших при Борисе в немилости и ссылке». Вряд ли судьба Филарета Романова или Богдана Бельского могла так разгорячить толпу, скорее всего, в эту стихию, как всегда, были вложены материальные средства.

В столицу вернулись жаждавшие реванша князь Иван Михайлович Воротынский, троюродный брат Филарета Романова, и Богдан Яковлевич Бельский.

Когда на Красной площади в очередной раз собралась толпа, к ней вышел князь Василий Иванович Шуйский и долго уговаривал народ успокоиться. Боярин поклялся, что царевича Дмитрия «давно нет на свете, что он сам своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский „вор“ — это беглый монах и расстрига Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи»¹⁸.

После князя Шуйского к народу обратился лучший оратор Думы дьяк Афанасий Власьев. Он просил толпу разойтись, указывал на то, что в государстве объявлен траур, и обещал рассмотреть любые просьбы и ходатайства народа после коронации царевича Федора. Эти выступления подействовали, наступило некоторое успокоение.

Самозванец отдал приказ войскам войти в Москву. 28 мая под Серпуховом несколько тысяч верных Годунову стрельцов отбили все попытки отрядов Лжедмитрия перейти Оку, обнаружив их полную небоеспособность. По словам очевидцев, «московские стрельцы, пребывая верными до конца, сражались за Москву». Последний бой Самозванца был проигран, как и все предыдущие. Не одержав ни одной победы на поле боя, он сделался победителем исключительно благодаря предательству аристократов. Борис Годунов при первых известиях о появлении «Дмитрия» в Польше имел все основания бросить в лицо боярам обвинение в том, что это они инициаторы самозванческой интриги, то есть, по сути, обвинение в развязывании династической войны.

После серпуховской неудачи Лжедмитрий распустил ненадежные полки и вновь прибегнул к помощи донских казаков. По дороге из Ярославля, проходившей через Красное Село, в Москву из сохранивших верность династии городов бесперебойно поступали обозы с хлебом. По свидетельству Я. Маржарета, отряды атамана Андрея Корелы были посланы к столице, чтобы отрезать от нее «съестные припасы». Вместе с казаками в Красное Село прибыли гонцы Лжедмитрия — Наум Плещеев и Гаврила Пушкин. 31 мая, обойдя заслоны правительственных войск на Оке, Корела разбил свой лагерь. На следующий день, 1 июня, рано утром казачьи отряды вошли в Москву.

Очевидно, что у сторонников Лжедмитрия в Москве были к этому времени установлены прямые связи с Лжедмитрием и действия казаков согласовывались с «возмущениями» в городе. Имена тех, кто впустил в город смуту, неизвестны, однако хорошо известны выгодополучатели — боярский кружок, группировавшийся вокруг Филарета Романова. Открыты были не только городские ворота, но и тюремные. Об этом

¹⁸ Р. Г. Скрынников. Самозванцы... С. 140.

говорят как английские источники, так и польские. Иезуит А. Лавицкий, прибывший в Москву в свите Самозванца, сообщает, что 1 июня были открыты тюрьмы, благодаря чему «наши поляки, взятые в плен во время боя под Новгородом-Северским и заключенные в оковы Борисом, избавились от темничных оков и даже оказали содействие народу против изменников». Под изменниками он, разумеется, подразумевает Годуновых. Кто-то, вероятно, позаботился и о том, чтобы поляки оказывали помощь не с пустыми руками. Когда Плещеев и Пушкин на Лобном месте начали оглашать послание Лжедмитрия, тюрьмы, согласно английскому источнику, уже были открыты, «воры» и ляхи освобождены.

Окончание чтения письма послужило сигналом к грабежу: «Одни учили Годуновых дворы грабить, а другие воры пошли <...> государевы хоромы и царицены пограбили». Погрому подверглись дворы многих столичных дворян и приказных чиновников. Как записали дьяки Разрядного приказа, люди «миром, все, народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи».

Одной из странностей этого так называемого народного восстания было то, что народ, как это обычно бывало, не требовал выдачи и расправы над ненавистными представителями власти. 1 июня 1605 года никого не убивали и не казнили. Как по команде, внезапно вспыхнув, восстание так же внезапно прекратилось после полудня.

Федор Годунов, его мать и сестра арестованы были не в самый день восстания, а позже. До этого они где-то укрывались и при содействии бояр вполне могли бы покинуть столицу. Кем именно был произведен арест царской семьи, неизвестно, содержались они в «собственном дворе Бориса Годунова». Москва в эти дни контролировалась от имени «Дмитрия Ивановича» Богданом Яковлевичем Бельским, племянником Малюты Скуратова. Вскоре его заменил присланный из Тулы Василий Васильевич Голицын.

Отрепьев, находившийся в Туле, потребовал, чтобы Мстиславский и прочие бояре немедленно ехали к нему в лагерь. Однако Дума постановила послать в Тулу князя И. М. Воротынского, а также бояр и окольных: князя Н. Р. Трубецкого, князя А. А. Телятевского, Н. П. Шереметева, думного дьяка А. Власьева и представителей других чинов — дворян, приказных и купцов.

3 июня 1605 года делегация повезла в Тулу «повинную грамоту», в которой «законный царь всея Руси приглашался занять престол Русский». Присутствие Афанасия Власьева и других приказных в составе делегации позволило Лжедмитрию войти в курс текущих государственных дел, которые таким образом перешли под его управление. Прибыл в Тулу и агент московской компании — английский посланник Джон Мерик, прибыл не с пустыми руками, он привез Самозванцу так необходимые ему в это время наличные деньги. В ответ на эту услугу «царь» возобновил договор о союзе, некогда заключенный с королевой Елизаветой. Грамота была подписана 8 июня 1605 года.

Впрочем, Лжедмитрий был недоволен составом прибывшей группы и вновь призвал, теперь уже в Серпухов, куда направлялся сам, главу Думы князя Ф. И. Мстиславского и князей Шуйских. В Серпухове был поставлен пышный шатер, который мог вместить в себя несколько сот человек, царскую кухню и челядь. Здесь Самозванцем был дан первый пир своим аристократам: боярам, окольным, думским дьякам.

11 июня был составлен и разослан по городам вместе с окружной грамотой текст новой присяги царю Дмитрию Ивановичу.

Тем временем в Москве 5 июня «ради поругания» свежая могила Бориса Годунова была раскопана, тело бывшего царя вынесено из Архангельского собора. Якоб Маржарет засвидетельствовал, что все это было сделано «по просьбе вельмож».

По словам Конрада Буссова, в Серпухове «царь Дмитрий» объявил: «...пусть уберут с дороги также и молодого Федора Борисовича с матерью, только тогда он приедет и будет им милостивым государем». Распоряжение это не было секретным, оно содержалось в послании Лжедмитрия москвичам.

Для исполнения грязного дела, для которого, собственно, и требовался сам Отрепьев, чтобы взял на себя пролитие царской крови и пресечение династии, была отправлена в Москву специальная комиссия. Возглавил ее князь Василий Васильевич Голицын, имевший боярский чин, а вошли в нее члены путивльской «воровской думы» князь В. М. Рубец-Мосальский и дьяк Б. И. Сутупов. Сопровождал комиссию с отрядом казаков внук главного опричного боярина Алексея Басманова, Петр Федорович Басманов.

Петру Басманову предстояло повторить отцовский «подвиг». 8 ноября 1568 года царский любимец боярин Федор Басманов во время службы в Успенском храме в Кремле объявил митрополиту Филиппу о лишении его сана. Опричники переодели митрополита в монашескую рясу и «яко злодея и посадиша на дровни, везуще вне града ругающиеся... и метлами биюще».

Первого русского патриарха ожидала такая же судьба. Патриарх Иов сохранял верность Годуновым и не собирался признавать недавнего инока, хорошо ему известного, истинным Дмитрием. В прощальной грамоте 1607 года Иов сам описал происшедшее: «Множество народа царствующего града Москвы внидоша во святую соборную и апостолскую церковь (Успенский собор. — Р. С.) с оружием и дреколием, во время святого и божественного пения... и внидоша во святыи олтарь и меня, Иева патриарха, из олтаря взяша и во церкви и по площади таская, позориша многими позоры...» Петр Басманов в Успенском соборе перед всем народом проклял патриарха, навал его иудой и виновником «предательств» Бориса. С престарелого Иова (ему было около 80 лет) стащили святительские одежды и панагию, возложенную на него царем Феодором Иоанновичем. Это был подарок царя и царицы Ирины Федоровны Годуновой.

Месяц назад Петр Басманов горько переживал нанесенное ему бесчестье, назначение на недостаточно высокую должность. Расправа над патриархом, выполненная им с видимым удовольствием, бесчестья, вероятно, не несла.

Низость поступка Петра Федоровича Басманова уступает лишь подлости князя Василия Васильевича Голицына.

После ареста патриарха 10 июня на подворье Годуновых явился князь В. В. Голицын в сопровождении князя В. М. Рубца-Мосальского и дьяков Молчанова и Шерефединова и приказал убить Федора с матерью. После двойного убийства князь В. В. Голицын приказал созвать народ, вышел на крыльцо и объявил, что царица и царевич, которым он целовал на верность крест чуть больше месяца назад, со страху «испиша зелья и помроша, царевна же едва оживе».

Нарочитое презрение проявлено было ко всем горожанам, нескончаемыми толпами приходившим прощаться с убитыми. Как писали очевидцы, каждый мог видеть следы от веревок, которыми были задушены царица Мария и царь Федор Годунов.

Законным главой государства Федор II Борисович Годунов был с 13 апреля по 10 июня 1605 года, то есть 59 дней.

Не вызывает сомнений, что всесторонне подготовленный к престолу, образованный юноша мог стать одним из выдающихся русских государей и продолжить многие прогрессивные начинания Бориса Годунова, но зарождающуюся династию не только оборвали, но и старательно компрометировали в последующие царствования.

По приказу Лжедмитрия тела Марии и Федора Годуновых похоронили без всяких почестей, как самоубийц, в ограде Варсонофьевского женского монастыря. Вместе с ними было захоронено и извлеченное из гробницы в Архангельском соборе тело Бориса Годунова.

В 1606 году царь Василий Иванович Шуйский провел торжественное перезахоронение семьи Годуновых в Троице-Сергиев монастырь. По воспоминаниям Конрада Буссова: «Тело Бориса несли 20 монахов, его сына Федора Борисовича — 20 бояр, жены Бориса — также 20 бояр, а за этими тремя телами шли пешком до самых Троицких ворот все монахи, монашки, попы, князья и бояре, здесь они сели на коней, тела приказали положить на сани и сопровождали их в Троицкий монастырь». Немецкий хронист не назвал имен князей и бояр, присутствующих на перезахоронении Годуновых, вероятно, среди них были и те, кто способствовал убийству Федора Борисовича, а возможно, и Бориса Федоровича.

Вероятно, окруженный врагами Годуновых и своими недругами Василий Иванович Шуйский не решился провести захоронения в Архангельском соборе, но тем не менее перенос останков был произведен со всеми подобающими их сану почестями.

В описи монастыря 1641 года о гробницах Бориса Федоровича и членов его семьи в стенах Успенского собора сказано следующее: «В паперти над гробницами образов, где положен царь Борис и царица Марья и царевич Федор и царевна Ольга: в киоте два образа местных, писаны на празелени, образ живоначальные Троицы, образ пресвятыя Богородицы Коневские, образ Бориса и Глеба, писаны на золоте; вверху над большими образами шесть образов окладные, в киоте два образа окладных — образ Спасов да видение чудотворца Сергия; у гробниц четыре свечи поставные восковые, насвечники железные; на гробницах же царя Бориса и царицы и царевны три покрыва черные, на царевичеве гробнице покрыв червчат, повсядневные, на них шиты кресты».

До конца XVII века храмов с «непокрытой папертью» не существовало, это было первое помещение на возвышении, знаменующее собой духовную высоту Церкви по отношению к миру.

В 1780—1782 годах, точных данных не сохранилось, но несомненно с ведома Екатерины Великой, останки блистательной семьи Годуновых были извлечены не только из Успенского собора, но и из саркофагов, так как в последующих упоминаниях говорится о гробах, закопанных то ли в старую поварню, то ли в специально сооруженную убогую палатку, высокопарно называемую сегодня Усыпальницей Годуновых.

В большой и роскошной лавре погребено более 200 представителей знатных родов, место упокоения двух русских царей Годуновых одно из самых невзрачных и небрежных. На треснувших плитах с указаниями царских имен стершиеся крестики, дата смерти Бориса Годунова ошибочна, на трех правых плитах о жестоко убитых сказано «преставися».

26 октября 1945 года антрополог Михаил Михайлович Герасимов, автор методики реконструкции облика человека по сохранившимся останкам, вскрыл усыпальницу для того, чтобы создать скульптурный портрет Бориса Годунова, но работа не могла быть выполнена. Выяснилось, что гробница оказалась разоренной, «содержание гробов было перемешано» и «от черепов ничего не сохранилось», но при этом уцелели шелковые ткани царской рубашки и надгробного покрывала, кожаные башмачки.

10 июня 1605 года московский трон был освобожден от династии Годуновых, а в основание Дома Романовых легли три первых царственных жертвы — царя Бориса Годунова, царицы Марии Годуновой, царя Федора Годунова.

Милости московские

Казаки-донцы, ляхи и перелеты были той силой, которая запалила пожар династической войны XVII века, получившей у нас название — Смута.

20 июня 1605 года Григорий Отрепьев во главе польских и казацких отрядов въехал в Москву в царском экипаже в новых пышных одеяниях, сшитых по мерке в кремлевских мастерских.

Посреди Красной площади был отслужен молебен и совершенно благословение Самозванца. На следующий день после его переезда во дворец был созван Священный собор. Собравшиеся в Успенском соборе сподвижники Иова восстановили его в сане Патриарха Московского и всея Руси. Сделано это было для того, чтобы придать законность расправе над ним, так как тут же последовало отстранение Иова от патриаршества. На его место единогласно и совершенно законно был избран митрополит Игнатий, прибывший в Москву из Рима десять лет назад.

Настало время рассчитаться по долгам.

Поход окончился, казаки были щедро награждены, и многие возвратились в родные места. Не менее щедрое вознаграждение получили польские гусары и жолнеры, большинство из которых также покинуло Москву. Но уехали далеко не все. Оставшиеся, к неудовольствию москвичей, чувствовали себя хозяевами положения и вели себя соответственно. Нелишними были и подтверждения истинности «царевича». С Лобного места к народу обратился Богдан Яковлевич Бельский. Он поклялся, что укрывал царевича Дмитрия «на своей груди», сам лично спас его от смерти и призвал верой и правдой служить прирожденному государю.

В своем первом московском манифесте Дмитрий Иванович обязался пожаловать бояр и окольничих их «прежними отчинами», то есть подтвердил их права.

Условия, на которых Боярская дума признавала Самозванца, без сомнения, начали оговаривать еще в Путивле. Застолья в Туле и Коломне помогали прийти к взаимному согласию. Главным требованием было устранение из Москвы казацких и польских отрядов. Отчасти это соответствовало и желаниям нового царя, наемники стоили недешево, и роспуск состоялся. Однако собственным подданным Дмитрий Иванович не доверял, в его охране были только поляки и казаки.

Боярская дума, или, как стали ее иногда называть на польский лад, «сенат», подверглась минимальной реформе: была утверждена должность великого мечника. Тоже на польский манер. Ею был пожалован двадцатилетний князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Назначение не было случайным. Князь Михаил Васильевич — сын княгини Елены Петровны, урожденной Татевой, племянник князя Бориса Петровича Татеева, сдавшего Лжедмитрию город Царев-Борисов и получившего за это боярство. Одним из первых он перешел на сторону Самозванца вместе с князем Борисом Михайловичем Лыковым-Оболенским, на сестре которого был женат. Князь Лыков-Оболенский не только сдал Белгород, но и отправился в Путивль, где после разгрома под Добрыничами находился Лжедмитрий. В благодарность за это ему был присвоен чин «великого кравчего», а затем и боярский чин. В мае 1605 года князь был отправлен под Кромы, приводить к присяге царское войско. Жена князя Бориса Михайловича — Анастасия Никитична, урожденная Романова, сестра Филарета Романова. Это родственные связи матери. По отцу князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский — дальний родственник князя Василия Ивановича Шуйского, воспитавшего рано осиротевшего юношу как родного сына.

Кроме князей Б. П. Татеева и Б. М. Лыкова-Оболенского, «воровским» боярином, вошедшим в новую Боярскую думу, был князь Василий Рубец-Мосальский. Открывший Самозванцу Путивль, он в чине дворецкого возглавил Дворцовый приказ.

Не менее важную услугу новому монарху оказали князья Голицыны — Василий Васильевич и Иван Васильевич, сдав армию. За измену князь Василий Васильевич был назначен воеводой Большого полка, князь Иван Васильевич получил боярство, за компанию боярством награжден и младший брат Андрей Васильевич Голицын.

Как и Голицыны, ведут свой род от князя Ивана Васильевича Булгака князья Куракины. Иван Семенович Куракин, бывший в 1605 году воеводой Тулы, перешел на сторону Лжедмитрия и был назначен первым воеводой Передового полка, позже получил боярский чин. Жена его Гликерья Ивановна, урожденная Туренина, приходилась сестрой Дарье Ивановне, урожденной Турениной, на которой был женат сводный брат князей Голицыных и так же, как они, племянник Филарета Романова, Петр Федорович Басманов. Лжедмитрий высоко оценил его предательство, но в боярстве Басманов не нуждался, так как недавно получил его от Бориса Годунова, поэтому стал командовать столичным гарнизоном, возглавив Стрелецкий приказ. Видимо, по склонности характера Петр Федорович особую милость у Дмитрия Ивановича заслужил неутомимыми трудами по поискам изменников и беспощадными расправами с ними. По его навету 37 человек из дальних родственников Годуновых — Сабуровы и Вельяминовы — были ограблены и брошены в тюрьму.

Сын и внук наводивших ужас опричников Басмановых Петр Федорович привел войска Самозванца к Москве, а племянник прославившегося жестокостью Малюты Скуратова, Богдан Яковлевич Бельский готовил к его приходу столицу. Видимо, именно он поддерживал связи с боярами, перешедшими на сторону Отрепьева. Ему удалось склонить Боярскую думу к признанию Самозванца. Новый царь пожаловал Бельскому боярский чин.

Князь Федор Иванович Мстиславский как глава Боярской думы, сдавший Думу, а как командующий армией, сдавший армию, получил царские подарки: кремлевский двор убитой семьи Годуновых, огромную вотчину в Венева и жену из рода Нагих — Прасковью Ивановну Нагую, двоюродную сестру мнимого Дмитрия.

Первые достоверные разряды Лжедмитрия, содержащие сведения о пожаловании думных чинов, датируются концом мая—июня 1605 года и продолжаются все царствование. Князь Б. М. Лыков-Оболенский пожалован боярством 13 апреля 1606 года.

Не остались без вознаграждения и помогавшие Отрепьеву бежать в Польшу дьяк Василий Яковлевич Щеклалов и архимандрит Чудова монастыря Пафнутий. Иначе как прошлыми заслугами нельзя объяснить назначение дьяка окольничим, а настоятеля — Крутицким митрополитом с правом в качестве блюстителя Патриаршего престола, заведовать делами всей Патриаршей области. Это высокое назначение он получил в то время, когда чудовские монахи, хорошо знавшие Отрепьева, были разосланы по дальним монастырям.

Кроме чинов, разумеется, были пожалования деньгами и землями.

Еще из Тулы «в Казанские города <...> послал по Нагих и по Головиных, и подавал им боярство и вотчины великие и двory Годуновых и зivotы»¹⁹.

Возвеличивание Нагих было необходимо, раз Мария Нагая признала Самозванца сыном, а вот Головины родственниками вдовы Ивана Грозного не были, зато имели давние родственные и деловые связи с Романовыми. Василий Петрович Головин, которого вызвал в Москву Лжедмитрий, двоюродный брат Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской, приходился Филарету дядей.

Для реального Дмитрия Романовы не родственники, а соперники и конкуренты, возвышать их самоубийственно. Для Отрепьева они компаньоны, затеявшие большое и опасное дело смены династии, пострадавшие при осуществлении заговора и жа-

¹⁹ Из рукописи Императорской Публичной библиотеки F, IV, № 166. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Belokurov/1.htm>

ждушие реванша, им обязан он своим положением. Однако Самозванец начинает входить во вкус работы самодержца, понимает значение собственного вклада в переворот и делиться властью не намерен.

В начале июля 1605 года Филарет Романов с почетом возвращается в Москву из Антониево-Сийского монастыря. В это же время из романовской вотчины Клин приезжает с сыном Михаилом инокиня Марфа (Ксения Ивановна Шестова). Семья воссоединилась в родовом тереме на Варварке. Прежние вотчины не только возвращены, к ним прибавились годуновские земли и основанный родоначальником Годуновых и Сабуровых Ипатьевский монастырь с расположенной в нем усыпальницей бояр Годуновых.

Татьяна Федоровна Романова вышла замуж за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского.

Десятилетний Михаил Романов получил почетное звание стольника. По росписи чин XVII века стольники занимали пятое место после бояр, окольных дворян и думных дьяков. Последний носитель этого звания — Василий Федорович Салтыков, отец Сергея Васильевича Салтыкова и, возможно, дед Павла I.

Младший брат Филарета, Иван Никитич Романов, возвращенный из ссылки Борисом Годуновым 17 сентября 1602 года ко двору в Москву, в день венчания Отрепьева на царство получил боярство.

Романовы были одними из самых крупных землевладельцев того времени. Например, собственностью Ивана Романова только в Галичском уезде была почти вся Верховская волость от города Унжи до современного Кологрива. В состав этой вотчины входило 140 селений, в которых проживали около 3500 душ крестьян обоюбого пола. Федор Никитич, конечно, не уступал младшему брату, но данных о его земельных владениях в костромском крае не сохранилось.

Дмитрий Иванович проявил внимание не только к живым, но и к умершим членам семьи Романовых. 31 декабря 1605 года была отправлена грамота в Пелым с приказом местному воеводе вынуть гроб Василия Никитича и доставить его тело в Москву, где оно и было погребено в Новоспасском монастыре. Туда же перевезли прах Михаила Никитича и 12 марта 1606 года там же захоронили останки Александра Никитича.

В том, что младшие братья Филарета Романова, ровесники и, скорее всего, друзья Отрепьева, удостоились такого участия, нет ничего удивительного. Трудно объяснить другой поступок нового монарха. Гораздо раньше, 7 сентября 1605 года он проявил заботу о душе умершего бездетным около десяти лет назад Федора Васильевича Шереметева.

Исследователем рода Шереметевых А. П. Барсуковым приводится монастырская запись: «Лета 7114 (1605) году, сентября в 7 день, при Никольском игумене Иосифе, пожаловал царь государь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси дал в дом Пречистая Богородицы и великому чудотворцу Николае в Онтонов монастырь сосуды церковные серебряны: потир, да три блюда, да звезду, да лжицу, да копье... да Евангелие тетровое в дещь на бумаге, печать и переплетка Литовская, оболочено бархатом червчатым, верхняя цка серебряна скана золочена, евангелисты битые начертаны на глади, да на той же цке четыре херувимы литые серебряны золочены; исподние жуки серебряны золочены. А взяты те сосуды церковные и Евангелие в царскую казну у старца Феодорита Шереметева...»²⁰

Александр Платонович признает в поведении царя какие-то таинственные мотивы, но разгадки не находит. Она должна быть в родственных связях самого Отрепьева, в девичьих фамилиях матери, бабушки, тещи Филарета Романова.

²⁰ А. П. Барсуков. Род Шереметевых. Кн. 2. С. 22.

Федор Иванович Шереметев, женатый на Ирине Борисовне Черкасской, племяннице Филарета и замешанный в заговоре Романовых, вошел в новый состав Боярской думы. Его тесть Борис Камбулатович Черкасский, женатый на сестре Филарета Романа Марфе Никитичне, умер в ссылке в апреле 1602 года. Теперь тело боярина привезли в Москву и перезахоронили в Новоспасском монастыре.

Ничего не изменилось лишь в жизни тещи Филарета, заключенной чебоксарского монастыря — Марии Ивановны Шестовой. Не исключено, правда, что перемена случилась и с ней, по одним источникам, инокиня внезапно скончалась. Другие источники утверждают, что именно по ее заказу была написана икона «Житие царевича Дмитрия». Канонизация царевича происходила летом 1606 года, то есть в таком случае она умерла уже после убийства Отрепьева и о каком Дмитрии горевала, сказать трудно. В том случае, если она была урожденной Отрепьевой, возвращать ее в Москву было небезопасно. Родной матери новый государь никакого внимания уделять не смел, а все остальные Отрепьевы были отправлены в ссылку.

Не были забыты священнослужители, практически все монастыри получили от царя Дмитрия Ивановича подтвердительные грамоты. 4 октября 1605 года такую грамоту на рыбные ловли в Костромском уезде получил архимандрит Троицкого Ипатьевского монастыря. 3 октября «ради матери своей, государыни царицы и великой княгини-инокини Марфы» были улучшены условия в Горицком монастыре, где она находилась несколько лет. Царь указал «получать ругу на Беле-озере хлебную на Рождество Христово, а денежную на Благовещеньев день».

Поведение князя Василия Ивановича Шуйского мало походило на поступки членов Боярской думы. Признав выборы 1598 года и присягнув Борису Годуну, он крестолованию не изменил и оставался верен династии до последней возможности.

Самозванца он не признал. И не только потому, что сам хоронил царевича Дмитрия, но и потому, что князья Шуйские были самыми влиятельными в Боярской думе. Не только в Москве, но и в Польше хорошо был известен статус семьи. Великий коронный гетман Ян Замойский, последовательный противник самозванческой авантюры, выступая в начале 1605 года перед сеймом, заявил, что законным наследником Московского княжества «был род Владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских».

Князь Василий Шуйский был единственным из бояр, не подчинившийся приказу Лжедмитрия явиться в Серпухов. Отрепьев понимал, что не может рассчитывать на его лояльность, к тому же через П. Ф. Басманова, польских секретарей и телохранителей начали поступать доносы. Передавали якобы подслушанные слова князя Василия Шуйского про нового государя: «Черт это, а не настоящий царевич! Не царевич это, а расстрига и изменник!» Открыли заговор. Боярин Петр Басманов арестовал множество лиц и подверг всех изощренным пыткам. Однако царь Дмитрий Иванович опасался проводить крупный политический процесс и велел привлечь к суду вместе с князьями Шуйскими лишь несколько незначительных фигур. Петр Тургенев, Федор Калачник и еще несколько человек были преданы публичной казни.

С. Ф. Платонов писал: «Очевидно, они мечтали не допустить „розстриги“ до Москвы не дать ему сесть на царство»²¹.

Отрепьев тоже спешил, ему было бы выгодно устранить Шуйских как можно быстрее. Братьям Шуйским были предъявлены обвинения в государственной измене. Их надсмотрщиками стали бояре П. Ф. Басманов и М. Г. Салтыков. Князь Василий Иванович Шуйский и его братья были арестованы 23 июня. «Новый летописец» сообщает, что Лжедмитрий «повеле собрати собор» с приглашением духовных «властей», бояр

²¹ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты... С. 273.

и лиц «ис простых людей» и сам выступил с обвинением. Суд продолжался несколько дней.

Собор осудил князя Василия Шуйского на смерть, а его братьев приговорил к пожизненному тюремному заключению. Были приняты меры против возможных волнений. Казнь была назначена на 30 июня, но она так и не состоялась. С князя Василия сорвали одежду, подвели к плахе, но тут прискакал гонец и остановил казнь, а затем огласили указ о помиловании. Князя Василия Шуйского вместе с братьями отправили в ссылку. Уничтожить Шуйских следом за Годуновыми не получилось, к такой резне Москва была не готова.

17 июля в столицу привезли вдову Ивана Грозного Марфу (Марию) Нагую. Обливаясь слезами, на глазах толпы она обняла своего вновь обретенного «сына».

30 июля двадцатитрехлетний Отрепьев короновался под именем Дмитрий Иванович. Патриарх Игнатий возложил на голову Самозванца венец Ивана IV, бояре поднесли скипетр и державу, недавно изготовленную немецкими мастерами по заказу Бориса Годунова.

В начале октября все опалы с Шуйских были сняты. Князья получили назад все конфискованные вотчины и имущество, заняли прежнее высокое положение в Боярской думе. Князь Василий Иванович Шуйский в знак особой милости получил еще волость Чаронду, ранее закрепленную за Дмитрием Годуновым.

И царь Дмитрий Иванович, и князь Василий Иванович сделали вид, что прошлое забыто, однако никто ничего не забыл.

Последующие правители постарались уничтожить все документы, относящиеся ко времени правления царя Дмитрия Ивановича. А он всерьез собирался царствовать. Дьякам был отдан приказ составить Сводный судебник, в основу которого был положен Судебник Ивана IV, дополненный указами царя Бориса Годунова и его собственными.

Конрад Буссов сообщает об объявлении, что по средам и субботам на Красном крыльце в Кремле сам государь будет принимать жалобы у всех обиженных и восстанавливать справедливость. Среди редких сохранившихся экземпляров грамот Дмитрия Ивановича есть одна от 31 января 1606 года, отыскавшаяся в Томске. В ней говорится, что вновь назначенные чиновники должны по царскому повелению собрать у населения все жалобы на прежних воевод «в насильствах, и в продажах, и в посулах или в каких обидах», чтобы «безволокитно» дать населению скорый и праведный суд.

Добрый царь запретил взятки. Приказных, избалованных в злоупотреблениях, били на торгу палками. По словам И. Массы, не было дьяка в приказе, который не отведал бы царской немилости.

На приемах во дворце царь не уставал повторять, что по примеру «отца» он рад жаловать «воинский чин» и усовершенствовал русское войско, планируя идти походом на Крым.

Подобно Борису Годунову, собирался молодой государь создавать для подданных университеты.

Для исполнения больших планов необходимы большие деньги, поэтому нет ничего удивительного, что подати оставались столь же обременительными, как и прежде. Лишь население Путивля было от них освобождено в благодарность за приют во время военных неудач. Отрепьев легко давал обещания, однако ни разу не обещал крепостным воли.

Князь С. И. Шаховской оставил описание нового монарха: «...был остроумен и в науке книжной сведущ, дерзок и многоречив, любил конные состязания, с врагами сражался смело, будучи сильным и храбрым; воинов очень любил»²².

²² Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. С. 424.

За краткостью своего правления Дмитрий Иванович при всем желании не смог бы выполнить все свои обязательства, данные польскому королю. Во всяком случае, ни одного города к Польше не перешло, дано было лишь новое обещание выплатить за них денежную компенсацию. Поход против шведов не состоялся. Об обращении православных граждан в католичество и речи не заходило, строиться начал лишь один костел в доме у церкви «Сретенья на переходех близ дворца».

Из всех обязательств перед польскими покровителями Отрепьев наиболее полно и последовательно выполнял обещание заключить брак с польской подданной.

В ноябре в королевском замке Кракова состоялось заочное обручение царя Дмитрия Ивановича и Марины Мнишек. Московское посольство в составе трехсот человек приехало в Польшу с царскими подарками. Юрий Мнишек получил пятьсот тысяч рублей, шубу с царского плеча, вороного коня в золотом уборе, драгоценное оружие, ковры и меха. Подарки невесте, выставленные в королевской резиденции, вызвали всеобщее восхищение. Среди них были шкатулка в виде золотого вола, полная алмазов, перстни и кресты с камнями, огромные жемчужины, золоченый слон с часами, снабженными музыкальным устройством и движущимися фигурками, ворох парчи и кружев. И еще жемчужный корабль, несущийся по серебряным волнам (его оценивали в шестьдесят тысяч золотых). Тот самый корабль, который преподнес Федору Годунову Лев Сапега в 1600 году.

Представлял царя и возглавлял посольство дьяк Афанасий Власьев. После церемонии Сандомирский воевода и знатные паны проводили его до королевской кареты, специально ему предоставленной. По словам польского свидетеля торжества: «Посол был доволен внимательностью к нему, но его дворяне не очень были довольны, потому что наши негодяи поотрезывали у них ножи, покрали у них лисьи шапки и две, кажется, шапочки, усаженные жемчугом, но посол приказал своим молчать».

А 4 января прибыл с благодарственным письмом Сигизмунду III за принятое участие в торжествах Иван Романович Безобразов.

Привез он не только царское письмо, но и боярские секреты.

Возвратившийся из ссылки Василий Иванович Шуйский нашел вполне сформированную оппозицию царю во главе с братьями Голицыными и тут же к ней примкнул. Противостоять теперь приходилось не сомнительной фигуре авантюриста, а законному государю, окруженному военными отрядами иностранцев, заинтересованное участие в судьбе которого принимает король отнюдь не дружественной державы. Для того чтобы не спровоцировать военный конфликт, ликвидацию Дмитрия Ивановича нужно было согласовать с Краковом. Сообщить боярские предложения и получить встречные пожелания и должен был друг детства Отрепьева. О миссии Безобразова подробно пишет в своих записках, составленных в конце 1611 года, коронный гетман Станислав Жолкевский. Царский гонец имел тайную беседу с велижским старостой Александром Гонсевским, в которой открыл поручение, данное ему Голицыными и Шуйскими. Бояре сообщали королю о намерении отстранить Отрепьева от власти и надеялись на невмешательство Польши.

Описывая через шесть лет тайную встречу, на которой он не присутствовал, Жолкевский утверждает, что бояре подали «жалобу Королю, что он дал им человека низкого и легкомысленного, жалуясь далее на жестокость, распутство и на роскошь его, и что он вовсе недостоин занимать Московского престола; и так они думают каким бы образом свергнуть его, предпочитая ему Королевича Владислава».

Интерпретация гетмана нуждается в уточнениях.

Летом 1610 года временное боярское правительство действительно сделало предложение сыну польского короля Владиславу. Его просили принять скипетр и державу. В Москве и некоторых других городах ему даже целовали на верность крест, однако

в декабре 1605 года рассматривать кандидатуру Владислава на русский трон вряд ли бы стали как в Москве, так и в Кракове. Князь Василий Голицын страстно мечтал о царском венце на собственную голову как потомок Гедимины, а князь Василий Шуйский как глава рода был законным наследником престола среди Рюриковичей. Если бы десятилетнему Владиславу действительно предлагалось русское царство, то лишь со сменой вероисповедания и с регентом либо регентским советом. Сигизмунд III должен был бы с этим согласиться и отправить в Москву ребенка — туда, где в течение последнего года одного за другим насильственно устранили трех законных государей.

Упрекать польского короля в том, что он «дал» не того человека, тоже не очень справедливо, в походе Лжедмитрия королевская армия не участвовала, только солдаты удачи, разорившийся Мнишек и его вишневецкие родственники. Жалобы на легкомыслие и любовь к роскоши молодого царя надо понимать как предупреждение, что казна стремительно убывает и король не дождетя ни обещанных городов, ни денежной за них компенсации. Характеристику Дмитрию Ивановичу как «человеку низкому» и «недостойному занимать Московский престол» должен был подтвердить своими рассказами посольный Иван Безобразов, живший в детстве по соседству с Самозванцем. Бояре должны были убедить поляков в том, что царствование нового государя не продлится долго еще и потому, что тайна его происхождения, разделенная «воровской» боярской думой, перестала существовать. Обладавший яркой, легко запоминающейся внешностью, происходивший из хорошо известной в Москве семьи, Отрепьев узан очень многими, несмотря на все меры предосторожности. Дополнительным подтверждением служило письмо, отправленное Сигизмунду III Марией Нагой. Вдова Ивана Грозного предупреждала, что, невзирая на преимущества ее положения в качестве матери правящего царя, она готова отказаться от них и разоблачить Самозванца.

Между ними возникло разногласие, которое невозможно было разрешить: живой «Дмитрий» не мог допустить сохранение «своей» могилы в Угличе, а мать царевича ни при каких условиях не соглашалась на уничтожение захоронения сына.

Выступать защитником откровенного авантюриста внуку великого князя литовского Сигизмунда Старого и сыну шведского короля Юхана III было бы слишком опрометчиво. Был и еще повод для раздражения у короля и многих польских магнатов — титулатура русского монарха. На коронационной медали было написано: «ДИМИТРИЙ ИВАНОВИЧ БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ИМПЕРАТОР РОССИИ. ГОД ЖИЗНИ ЕГО 24». Сигизмунд III предпочитал вообще обходиться без всякого титула, обращаясь к человеку, чье происхождение было достаточно хорошо известно, не говоря уже о том, чтобы величать его императором. Однако в этом вопросе у Отрепьева был могущественный союзник. Ватикан высоко оценил его переход в католичество и женитьбу на католичке. Перспектива получить католическую Россию в военные союзники помогла бы папе закрыть глаза на любые преступления, а честолюбие Дмитрия Ивановича границ не признавало.

Исчерпывающим аргументом в пользу поддержки московского заговора у И. Безобразова были сведения о планах Отрепьева при благоприятных обстоятельствах присоединить к своей короне польскую. Среди оппозиционной шляхты в большей или меньшей степени всегда была и русская партия. Получи Дмитрий Иванович поддержку недовольных Сигизмундом III магнатов и Ватикана, опасность становилась реальной. Разгоревшийся вскоре рокош Николая Збжидовского подтвердил благоразумие короля, давшего, по словам гетмана Жолкевского, тайное согласие на устранение царя: «...он сожалеет о том, что этот человек, которого он считал истинным Димитрием, занял то место <...>, а что он, Король, не препятствует действовать по собственному их усмотрению».

Вместе с тем какие-то условия были согласованы, иначе не объяснить затягивание с исполнением переворота. Куда проще было бы расправиться с Дмитрием Ивановичем до свадьбы. Гарантии, на которые согласился князь Василий Иванович Шуйский, видимо, и были связаны с проведением бракосочетания с польской подданной и сохранением жизни польским послам и Марине Мнишек, это было и в интересах иезуитов. Соблюдение таких условий роковым образом сказалось на нашей истории — династическая борьба продолжилась.

В конце апреля царская невеста прибыла в Москву со свитой в несколько сотен человек. Ее сопровождали отец, дядя Ян Мнишек, муж старшей сестры, князь Константин Вишневецкий. Сама княгиня Урсула на свадьбу не приехала, не было среди гостей и матери Ядвиги Тарло-Мнишек, лишь родственники с ее стороны — шляхтичи Тарло и Стадницкие.

По словам Жолкевского, Ежи Мнишек был осведомлен и о сообщении Ивана Безобразова, и об ответе короля, однако, поддерживая тесные связи со многими оппозиционными магнатами сейма, надеялся получить выгоду при любом раскладе: либо как тесть царя, либо как отец его коронованной вдовы.

Приехав в Москву, Ежи Мнишек старался походить на «московита», носил традиционную русскую одежду, отрастил волосы и бороду.

8 мая состоялась свадьба Марины Юрьевны Мнишек с Божию милостию императором России Дмитрием Ивановичем. Торжественная церемония прошла с рядом существенных нарушений правил, на которые после долгих препирательств все-таки согласились и духовенство, и Дума. Приличия нарушались не только во время обряда, но и за свадебным столом, куда были приглашены прибывшие из Польши гусары, солдаты и панская челядь. Посреди пира Отрепьев объявил, что жалует каждого гусара сотней рублей.

Демонстративная щедрость не была спонтанной. Отправленный в январе 1606 года в Самбор царский секретарь привез деньги на приданое и наряды невесте, но помимо этого он лично распределил суммы на военные расходы. Люди Мнишека большими партиями закупали оружие и вербовали наемников, выдавая по сто золотых задатка каждому пехотинцу, по пятьдесят гайдукам.

Р. Г. Скрынников так описывает появление в Москве Марины Мнишек: «Жители не могли отделаться от впечатления, что в их город вступила армия, а не свадебная процессия. Впереди следовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники, с ног до головы закованные в железные панцири, с копьями и мечами. По улицам Москвы горделиво гарцевали те самые гусары, которые сопровождали самозванца в самом начале его московского похода. За каретой Марины следовали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском следовал обоз. <...>. Москвичи были окончательно сбиты с толку, когда прислуга принялась разгружать скарб: вместе с сундучками и узлами гайдуки выгружали из фур ружья и охупками вносили их наверх». За Яном Мнишком следовало 107 вооруженных человек, князя Константина Вишневецкого эскортировало — 500».

Безусловно, Дмитрий Иванович рассчитывал использовать эти силы в самом скором времени.

Несмотря на то, что Бориса Годунова похоронили дважды, стали появляться слухи, будто бы он жив. До возникновения Лжебориса дело дошло, однако то там, то тут находились свидетели, своими глазами видевшие старого царя. Отрепьев слал запросы в Польшу и Англию.

То и дело царю приходилось отменять свои указания и приговоры под давлением Боярской думы, удерживавшей в своих руках все нити управления государством, бояре отказывались выдавать из казны деньги для оплаты царских долгов. Самодержав-

ная власть на деле оказывалась фикцией, и выбора у Отрепьева не оставалось: утрата власти означала смерть.

Обвинительные акты царя Василия Ивановича Шуйского против своего предшественника подкреплялись показаниями братьев Бучинских (Ян, Станислав, Матвей), ранее приближенных к особе царя секретарей-ариан. Бучинские принадлежали к группе заговорщиков из польско-литовской шляхты, ставивших целью свержение Сигизмунда III и возведение на престол Речи Посполитой императора Дмитрия Ивановича.

В опросных листах говорится: «Да сказывали в розспросе Станислав да Ян Бучинские, которые жили вверху у тайные думы и у всяких у тайных дел его. Канун де того дни в пятницу мая в 16 день, как того Розстригу убили, говорил тот Розстрига наодне со князем Костянтином Вишневецким, а они были туто ж. Время де мне своим делом промышляти, чтоб государство свое утвердити и вера костела римского розпространити. А начальное де дело то, что бояр побити, а не побить де бояр, мне самому от них быть убиту. А только де побыю бояр, и яз что хочю, то учиню. И Вишневецкой и они, Бучинские, молили: Да только ему побити бояр, за них землю станут. И розстрига де Гришка молил: То де уже у меня умышлено тем обычаем, велел де я вывести за город наряд весь, будто для потехи, и в сю де неделю мая в 18 день велел туто выехати за город, будто стрельбы смотрити воеводе и сыну его, старосте сенатцкому, и Тарлом, и Стаднитцким, и ротмистру Доморатцкому, и с ним всем поляком и литве в збруе во всей и с оружием. И как яз выеду на стрельбу, а за мною будут бояре все и дворяне, и как учнут из наряду стреляти, и в ту пору поляком всем ударити на бояр и дворян и их побивати. А то де есми указал же, кому на ково на бояр приехати и убити: князя Федора Мстиславского убити Михаилу Ратомскому, а Шуйских Тарлу да Стаднитцким... А убити де велел есми бояр, которые здесь владеют, дватцать человек. И как де тех побыю, и во всем будет моя воля... И они де, Бучинские, молили: таких ты бояр велишь побити, да кому у тебя в государстве уряжати и кому в приказах быти? И Гришка де розстрига говорил: То де уже у меня умышлено, ныне де у меня здесь готовы воевода Сендомирской [Ежи Мнишек] и староста Сенатцкой [Станислав Мнишек, брат Марины], да ты, Вишневецкой, да Тарлы, да Стаднитцкие, да вы, Бучинские, и иные ваши приятели, а по иных де по поляков и по литву пошлю. И мне де уже будет надежно, и государство мое будет без опасенья...»

Невероятным такое развитие событий кажется только на первый взгляд. Сменив элиту, Дмитрий Иванович смог бы поддержать рокош Зебжидовского, получив в благодарность расположение сейма и Речь Посполитую. Сбывшаяся мечта многих влиятельных сил об унии Литвы, Польши и России дала бы средства и союзников московскому императору. Наконец, появилось бы государство, способное противостоять Османской империи. Не случайно среди драгоценностей, присланных в подарок на свадьбу от папы римского, была индульгенция.

Думал Отрепьев и о бегстве в случае неудачи, по крайней мере, Якоб Маржарет с полной определенностью писал: «Он решил и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего 1606 года отплыть с английскими кораблями». Впрочем, Лондону не посчастливилось принимать царственного эмигранта из России.

Напряжение дошло до своего пика, счет шел на дни. Бояре оказались проворнее. 16 мая в доверительной беседе с князем Константином Вишневецким в присутствии братьев Бучинских царь сообщает о детально разработанных планах 18 мая устранить 20 бояр, а 17 мая ранним утром убивают его самого. Осведомители были как у Отрепьева, так и у Шуйского, и нельзя исключать, что не одни и те же. Непосредственными убийцами царя называют двух человек: сына боярского Григория Леонтьевича

Валуева и дворянина Ивана Васильевича Воейкова. Оба люди не случайные. Валуев приводил к присяге Владиславу Псков, Великие Луки и другие северо-западные города, а в 1610 году отбил у польского отряда «тушинского патриарха» Филарета Романова. Воейков, исполняя обязанности пристава, сопровождал в ссылку казначея Петра Ивановича Головина. В дороге Головин умер, предполагают, что смерть была насильственной. Сохранились письма пристава Воейкова Борису Годунову из Антониево-Сийского монастыря, где он состоял при особе Филарета Романова.

Кроме братьев Шуйских и братьев Голицыных, в заговоре участвовали: Михаил Игнатьевич Татищев, лично убивший Петра Федоровича Басманова; Михаил Глебович Салтыков; Иван Федорович Крюк-Колычев, вызванный Дмитрием Ивановичем из ссылки, дальний родственник Голицыных, женатый на Анне Андреевне Голицыной; князь Федор Иванович Мстиславский, племянник мачехи Филарета Романова и дальний родственник его матери, двоюродный дядя князьям Голицыным; князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, великий мечник, утром 17 мая исчез из царского дворца вместе с мечом, оставив Отрепьева безоружным; князь Борис Петрович Татев, дядя князя М. В. Скопина-Шуйского, женатый на Марии Михайловне Лыковой-Оболенской, золовке Анастасии Никитичны Романовой; князь Иван Семенович Куракин, деверь двоюродной сестры М. В. Скопина-Шуйского, троюродный племянник князей Голицыных; князь Иван Михайлович Воротынский, внук Анастасии Ивановны Захарьиной, троюродный брат Филарета Романова. Из представителей духовного звания самым горячим сторонником переворота был казанский митрополит Гермоген. Точных сведений о его происхождении нет, по одной из версий, он принадлежал к роду Голицыных.

Князь Василий Иванович Шуйский лично возглавил мятеж. С мечом в одной руке и крестом в другой он въехал в Кремль во главе вооруженного отряда. В царском дворце находился князь Дмитрий Иванович Шуйский, в его задачу входило противодействие возможной обороне. Схваченный царь до последнего мгновения твердил, что он сын Ивана Грозного, и ссылался на мать Марию Нагую. Стрельцы колебались и требовали ее подтверждение истинности «Дмитрия». Затягивание событий нарушало планы заговорщиков, поэтому к царице Марфе отправили князя Ивана Васильевича Голицына, который, разумеется, привез быстрый ответ: царевич Дмитрий похоронен в Угличе. Три дня обнаженные и обезображенные трупы царя и Петра Басманова пролежали на Красной площади, подвергаясь посмертному поруганию толпы. Затем князья Голицыны забрали тело брата и похоронили его у церкви Николы Мокрого. Останки Отрепьева захоронили на кладбище для упившихся или замерзших, но через неделю их выкопали, сожгли и, смешав пепел с порохом, выстрелили из пушки в сторону Польши. Справедливее было бы произвести выстрел в сторону Боярской думы либо сделать два выстрела, но истина не требовалась, были необходимы эффектные зрелища, тем более что цареубийство пришлось по душе далеко не всем москвичам.

В небольшой, но очень влиятельной группе людей, готовивших переворот, практически никогда не упоминается Федор Никитич (Филарет) Романов. Между тем невозможно представить, чтобы такой амбициозный человек остался в стороне от главных государственных событий. Данных о том, что он участвовал в мятеже, нет. Известно лишь, что летом 1605 года Филарет вернулся в Москву и, вероятно, поселился вместе с женой и сыном в своем тереме на Варварке. В апреле 1606 года царь Дмитрий Иванович удалил с Ростовской кафедры митрополита Кирилла Завидова, предоставив ее иноку Филарету. Митрополит Ростовский и Ярославский — это третья позиция в церковной иерархии. Патриарх Игнатий, митрополит Крутицкий Пафнутий и митрополит Ростовский Филарет — высшее духовенство России. Возможно, Филарет даже не успевает побывать в Ростове, так как 7 мая состоялась царская свадьба, на которой

он присутствовал вместе с сыном стольником Михаилом и братом боярином Иваном Романовыми.

17 мая не стало царя, а 20 мая низводят патриарха Игнатия и помещают его в Чудов монастырь, новоиспеченный митрополит Филарет переезжает в Патриаршие палаты. Скорое падение Отрепьева Романову невыгодно, так как сам он претендовать на трон не может, а Михаил еще мал, однако если бы Филарет не участвовал в мятеже на первых ролях, такой переезд был бы невозможен. Между тем митрополит Ростовский и Ярославский с этих пор стал использовать в своей подписи словосочетание «нареченный патриарх». 23 мая нареченный патриарх Филарет возглавляет комиссию, поспешно отбывшую в Углич за мощами царевича Дмитрия. Выполнив свою миссию, Филарет Романов возвращается в Москву и застаёт там нового патриарха — Гермогена. Митрополиту Ростовскому ничего не остается, как покинуть Москву и, перебравшись в свою епархию, готовиться к новым схваткам. Престол все ближе. Михаилу Федоровичу Романову 10 лет, для избрания монархом необходимо еще пять. В эти пять лет власть может быть любой, но обязательно слабой. В основании Дома Романовых уже четыре царских трупа: Борис, Федор и Мария Годуновы, Дмитрий Иванович (Григорий Отрепьев).

Григорий Отрепьев не был сыном Ивана IV, но под именем Дмитрия Ивановича царствовал вполне законно. Династии не состоялось, однако семья Отрепьевых и все потомки становятся кровными царскими родственниками.